

БОРИС КАМОВ

РЫВОК

В НЕВЕДОМОЕ

Борис Камов

Рывок в неведомое

«Теревинф»

1991

УДК 82
ББК 84

Камов Б.

Рывок в неведомое / Б. Камов — «Теревинф», 1991

ISBN 978-5-91349-062-9

Повесть «Рывок в неведомое» – продолжение и окончание книги «Мальчишка-командир», посвященной боевой юности Аркадия Петровича Голикова, будущего писателя Аркадия Петровича Гайдара. «Рывок в неведомое» рассказывает о самом драматическом эпизоде «обыкновенной биографии» Голикова, когда он получил назначение в Хакасию, в Енисейскую губернию (теперь это Красноярский край). Тут причинял много бед небольшой «белопартизанский отряд» под командой Ивана Соловьева. Посылая в начале 1922 года в Хакасию Голикова, командование ЧОНа в Москве и в Красноярске возлагало надежды на незаурядность Голикова, его образованность и великолепные аналитические способности. Дальнейшие события показали: выбор был сделан правильно...

УДК 82

ББК 84

ISBN 978-5-91349-062-9

© Камов Б., 1991
© Теревинф, 1991

Содержание

От автора	6
Часть первая	8
Назначение	8
У холодного очага	12
Встреча	14
Соловьевщина	16
Новая должность	21
Шуточка	24
Трудное пробуждение	32
Продолжение шуточки	34
Начальник боевого района	42
Два никелированных шарика	44
Новоселье	46
Неожиданность	48
Анфиса	50
Тройной капкан	54
Василий Кузнецов	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Борис Камов

Рывок в неведомое

© Детская литература, 1991

© 2-е изд. (эл.). Агентство электронных изданий «Интермедиатор», 2018

От автора

Повесть «Рывок в неведомое» – продолжение и окончание книги «Мальчишка-командир», которая вышла в издательстве «Детская литература» в 1987 году и посвящена боевой юности Аркадия Петровича Голикова, будущего писателя Аркадия Петровича Гайдара.

«Рывок в неведомое» рассказывает о самом драматическом эпизоде «обыкновенной биографии» Голикова, когда он получил назначение в Хакасию, в Енисейскую губернию (теперь это Красноярский край). Тут причинял много бед небольшой «белопартизанский отряд» под командой Ивана Соловьева.

До Голикова в борьбе с Соловьевым потерпели поражение многие опытные командиры.

Посылая в начале 1922 года в Хакасию Голикова, командование ЧОНа в Москве и в Красноярске возлагало надежды на незаурядность Голикова, его образованность и великолепные аналитические способности. Дальнейшие события показали: выбор был сделан правильно.

Приехав на место, Голиков быстро понял и сообщил в штаб ЧОНа губернии, что непобедимость и неуловимость Ивана Соловьева объясняется прежде всего тем, что «император тайги» ведет психологическую войну и пользуется психологическими методами воздействия на противника и местное население.

Это было важное открытие. В отличие от своих незадачливых предшественников, Голиков был готов к ведению такой войны. Но, помимо объективных трудностей, ему стало чинить помехи... непосредственное начальство. Кого-то раздражали смелость мышления, отсутствие чинопочитания и беззаветная личная храбрость восемнадцатилетнего Аркадия Петровича Голикова.

Эта повесть была уже написана, когда всплыл важный документ. Из него явствует: командование 6-го Сибсводотряда, которому подчинялся Голиков, вместо повседневной помощи начальнику 2-го боевого района неумолимо слало на него доносы в Красноярск.

И Голиков очутился меж двух огней. С одной стороны, его ежечасно держал в напряжении своими «психологическими методами» Иван Соловьев. А с другой – не унималось «родное» начальство. Дело не ограничивалось моральным воздействием. Вот лишь один пример.

На боерайон в десять тысяч квадратных километров Голиков имел всего 126 бойцов. Понимая, что этого недостаточно, Аркадий Петрович попросил налетный период пополнение – 80 человек. Ему дали – восемь. Между тем соседний «конкурирующий» боеучасток имел 305 кавалеристов, и Соловьев там появлялся несравненно реже. Нехватка людей создала на 2-м боеучастке добавочные трудности. Чем обернулась для Голикова «психологическая война» на два фронта, вы узнаете из повести.

Трагично и другое. В Хакасии в смертельном многомесячном поединке столкнулись два ярких самородка – Аркадий Голиков и Иван Соловьев, которые на первых порах по-человечески даже симпатизировали друг другу.

Соловьев был потомственным казаком, Голиков – внуком крепостного. Голиков мечтал о «светлом царстве социализма», Соловьев был согласен на социализм, лишь бы ему, Соловьеву, не мешали крестьянствовать. Обмануты оказались оба.

Соловьев стал жертвой политических авантюристов (имена их неизвестны до сих пор). Намереваясь оторвать Хакасию от Советской России, эти авантюристы умело и быстро превратили непритязательного землепашца во врага Советской власти, а затем и в «вожака народного восстания». Что касается местной Советской власти, то она своим бездействием и безразличием позволила состояться и беззаконию, и превращению маленькой банды в большой отряд, что привело к гибели сотен людей и разорению богатейшего края.

Обстоятельный рассказ о поединке Голикова и Соловьева оказался возможен потому, что еще в 60-х годах автор записал на магнитофон воспоминания многих участников и свидетелей тех событий. Очень помогли и недавно рассекреченные документы.

Вас ждет не легкое, не развлекательное чтение. Но история Голикова и Соловьева поучительна. Она показывает: мы все зависим от происходящих вокруг событий. Однако и события в немалой степени зависят от каждого из нас.

Давайте же учиться не быть щепками в потоке, сопротивляться неблагоприятным обстоятельствам, а если достанет душевных и физических сил, то и подчинять их себе.

О том, как можно стать сильнее обстоятельств, рассказано в последней части книги, когда Голиков один, без поддержки, без средств, преодолевая болезнь, совершил свой первый «рывок» в литературу.

Часть первая Голиков против Соловьева

Назначение

Голиков остановился на тротуаре, с удовольствием глядя на московскую привокзальную суету. Мимо него спешили носильщики в белых фартуках с медными бляхами на груди, обвешанные узлами, фанерными чемоданами и двухпудовыми мешками. Рядом, встревоженные, что носильщик сбежит со всем багажом, семенили владельцы чемоданов и мешков – обвязанные платками бабы, мужики в лохматых шапках и полушубках, худые женщины в шляпах и поистершихся пальто.

Нервно трезвоня, подкатил к переполненной остановке трамвай. К нему кинулась толпа. Могучий, с длинной гривой тяжеловоз, похожий на богатырского коня с картины Васнецова, протащил платформу на автомобильных колесах, заваленную пустыми селедочными бочками: от них по всей площади пошел густой пряный запах. Обгоняя подводу, важно проплыл, блестя свежей краской, автобус. У задней его двери, неизвестно за что держась, висела гроздь пассажиров. Голиков проводил машину глазами. О том, что в Москве появились купленные за границей автобусы, сообщили все газеты. Это была потрясающая новость.

Голиков три месяца находился в отъезде. Захотелось сдать на хранение заплечный мешок и чемодан, где-нибудь поесть и пройтись пешком по городу. Но сначала нужно было закончить дела.

Отыскав свободную пролетку, Аркадий Петрович поставил между облучком и сиденьем вещи, плюхнулся на кожаное сиденье и сказал вознице:

– В штаб ЧОНа.

Возница, бритый мужик лет пятидесяти в буденовке и австрийской шинели, повернулся на облучке и с сомнением посмотрел на седока. Последнее время в столице развелось много аферистов. Они выдавали себя за сотрудников ЧК или за агентов уголовного розыска, нанимали на целый день экипажи, увозили на них «реквизированное» и «арестованных». А честных извозчиков, членов профсоюза, таскали потом по судам – как свидетелей, а то и как соучастников. И возница на всякий случай внимательно оглядел седока.

Он был высок, в папахе, в новой командирской шинели и начищенных сапогах. Командирская сумка, пристегнутая к портупее, легкая шапка с позолоченным эфесом, пистолет в кобуре. Вроде большой начальник. А лицо детское, мальчишеское. Видно, что еще ни разу не брился. Уши слегка оттопырены, будто его часто за них драли. И неизвестно, чему улыбается. Для командира, подумал возница, подозрительно молод, а на уркагана с Мещанских улиц все же не похож. И, продолжая сомневаться, тяжело вздохнув, тронул вожжи.

Голиков же улыбался тому, что он опять в Москве и приехал учиться. Еще служа на Тамбовщине, он узнал из газеты, что в столице открылась Академия Генерального штаба. Аркадий Петрович сразу туда написал. Ему ответили, что в академию будут принимать командиров Красной Армии, которые прослужили не менее двух лет, участвовали в боях и получили рекомендацию от своего командования.

А Голиков к тому моменту провоевал уже почти три года, пройдя путь от адъютанта-порученца до командира полка. Когда бои на Тамбовщине закончились, Аркадий Петрович отпросился на учебу. Командующий войсками Тамбовской губернии М. Н. Тухачевский подписал ему аттестацию.

В Москве Голиков поселился на Воздвиженке, в общежитии при академии. Первые двое суток он отсыпался. На третий вышел в город – пройтись, чтобы потом надолго сесть за книги для сдачи вступительных экзаменов.

Возвратясь с прогулки, Аркадий Петрович нашел в дверях записку: «Тов. Голиков, немедленно зайдите в учебную часть». Там ему показали письмо:

РСФСР

Начальнику Академии Генерального штаба

Штаб ЧОП 20 августа 1921

*Прошу откомандировать в мое распоряжение числящегося при
вверенной Вам Академии бывшего командующего войсками 5-го боевого
участка Тамбовской губернии тов. Голикова Аркадия для назначения на
соответствующую командную должность.*

Начальник штаба Кангелари.¹*

В тот же вечер Голиков уехал в Башкирию, где, опасались, готовится новый мятеж. Но все обошлось. И вот Аркадий Петрович вернулся в столицу, озабоченный тем, как будет с учебой. Занятия в академии начались, но ему обещали: штаб ЧОНа окажет содействие, чтобы он, Голиков, не потерял год.

Признаться, Голиков здорово устал, однако отдыха не предвиделось.

Отчет о своей работе в Башкирии Аркадий Петрович давно отослал телеграфом и спешил сейчас в штаб ЧОНа Республики, потому что ему твердо по телеграфу же обещали: он получит ходатайство о зачислении в академию вольнослушателем «до сдачи вступительных экзаменов в рабочем порядке». По расчетам Голикова, сегодня всех дел в штабе было на пятнадцать минут.

Вот почему, выскочив из пролетки у знакомого подъезда, он не отпустил извозчика, чтобы тут же ехать в академию.

В гардеробе на первом этаже Голиков оставил шинель и папаху и, позванивая шпорами, поднялся в управление кадров.

Начальник управления был занят, а молодой, с нагловатыми глазками сотрудник сказал, что никакой заготовленной бумаги у него нет, по есть распоряжение: как только появится компания Голиков, немедля направить его в приемную – Голикова желает видеть командующий войсками ЧОНа Республики товарищ Александров.

Что Александр Константинович Александров теперь командовал всеми войсками ЧОНа, обрадовало Аркадия Петровича.

Минувшей зимой, когда Аркадий Петрович учился в Высшей стрелковой школе (сокращенно ее называли «Выстрел»), Александров заметил его на учениях. Александр Константинович в ту пору заведовал военным отделом ЦК партии. Став через короткое время командующим Орловским военным округом, Александров настоял на досрочном выпуске Голикова и пятидесяти других слушателей и увез их с собой. В Воронеже Александров назначил семнадцатилетнего Голикова командиром 23-го полка, который насчитывал без малого четыре тысячи бойцов.

Аркадий Петрович поднялся в приемную, которая была полна народу. Все стулья были заняты, и несколько человек еще стояли.

– Товарищ, вы записаны? – озабоченно спросил адъютант.

– Нет, – ответил Голиков.

– В таком случае Александр Константинович не сможет вас принять. Вы по какому делу?

– Не знаю. Мне передали, что Александр Константинович желает меня видеть.

– Как ваша фамилия?.. Голиков?! Одну минуточку.

¹ Звездочками отмечены подлинные документы.

Адъютант скрылся в кабинете, дверь которого молниеносно распахнулась. Стремительно вышел Александров. Все встали. Следом за командующим появились адъютант и прихрамывающий командир с кожаной папкой в руке.

Александров сразу отыскал глазами Голикова, который стоял посреди комнаты, приблизился, обнял, а потом сказал посетителям:

– Товарищи, извините, комполка Голиков прибыл по неотложному делу, – и увел в кабинет. – Как вы, Аркадий, выросли! – заметил Александров, показывая на глубокое кресло и садясь напротив. – Как вам живется?

– Спасибо, хорошо. Приехал поступать в Академию Генштаба.

– Знаю. Я внимательно следил за вашей работой. Читал ваши рапорты. Мне было приятно, когда в разговоре со мной вас похвалил Тухачевский. Он предсказывает вам большое будущее.

Голиков почувствовал, что краснеет.

– Нечего краснеть. Человек вы способный. И о вашем будущем мы позаботимся. А теперь, извините, о деле. Как вы знаете, мы согласились послать вас на учебу. И хотя в этом году прием уже закончен, мы бы сумели договориться с начальником академии, – Александров улыбнулся, – им только что назначен Михаил Николаевич Тухачевский... Но у нас, Аркадий Петрович, к вам большая просьба. В Енисейской губернии не дает житья некий Иван Соловьев. Он величает себя «императором тайги». И не удастся с ним справиться. Это, пожалуй, последний очаг гражданской войны в стране. Не согласились бы вы нам помочь?

– А велико ли войско у этого «императора тайги»?

– Да сабель пятьсот. Не больше.

– Хорошо. Только бы снова не опоздать в академию.

– Не беспокойтесь. На этот раз отзовем вовремя – к началу занятий. А теперь не задерживайтесь. В Ужуре вас очень ждут.

– Могу я по дороге заехать домой, в Арзамас?

– Что за вопрос? Конечно. Двух суток вам хватит?

В гардеробе Голиков натянул шинель и с папкой в руке вышел на улицу. Армейская служба приучила его ко многим внезапным переменам. Но такого еще не было. Вместо учебы в Академии Генерального штаба, балета в Большом театре, Третьяковской галереи и книг, которые он собирался прочитать в Румянцевской библиотеке, он должен был ехать в какой-то Ужур.

Перемена, которая оказалась для Голикова внезапной, на самом деле готовилась тщательно и давно.

Иван Соловьев уже два года терроризировал немалую часть громадной Енисейской губернии. Было очевидно, что привычные «силовые приемы» в борьбе с «императором тайги» не подходили. Требовались другие методы. Но какие – никто сказать не мог. Нужен был человек, способный во всем разобраться на месте.

Тут телеграммой из Уфы о себе напомнил Голиков. Снова были подняты его документы. В последней характеристике говорилось, что Голиков А. П., 17 лет, член РКП (б) и РКСМ, служит в Красной Армии с осени 1918 года. Закончил две военные школы (с сокращенным курсом обучения) в Киеве и Москве. Командовал взводом, полуротой, ротой, батальоном, полком, исполнял обязанности командующего боевым участком. Был дважды ранен и дважды контужен. Обладает высокой работоспособностью, смелостью, а также находчивостью и самостоятельностью при подготовке и проведении боевых операций.

В документе особо отмечалось, что, командуя на Тамбовщине 58-м отдельным полком и целым боевым районом, Голиков проявил не только отвагу, но и неожиданный подход в разъяснительной работе с населением, которое по разным причинам поддерживало бандитов. В результате шесть с лишним тысяч антоновцев добровольно вышли из леса и сложили оружие. При этом большинство из них пожелало служить в Красной Армии.

И пока Голиков сдавал дела в Башкирии, листал по вечерам учебники, трясся в поезде, его кандидатура была со всех сторон рассмотрена, одобрена и утверждена. Оставалось получить только согласие самого Голикова. Это взял на себя Александров.

...Лишь только Аркадий Петрович вышел на улицу, дернув вожжи, свистнув кнутом, подкатил давешний извозчик на пролетке. Аркадий Петрович о нем забыл, хотя оставил в коляске свои вещи.

Голиков опустился на холодное продавленное сиденье.

– Куда прикажете? – спросил извозчик. – В гостиницу или сперва в Сандуновские бани? – Для него уже было очевидно, что седок, несмотря на молодость, достался солидный.

– Обрато на вокзал, – ответил Голиков.

У холодного очага

Морозным январским утром 1922 года Аркадий Петрович подошел к родному дому на Новоплотинной улице в Арзамасе. Он поправил на плечо увесистый мешок с пайком, полученным в расчете на долгую дорогу, и перехватил в другую руку обшарпанный чемодан – тот самый, с которым уезжал отсюда в ноябре восемнадцатого.

Из старых вещей в чемодане остался лишь синий истрепавшийся томик Гоголя. Аркадий Петрович знал его наизусть, но продолжал возить с собой как память о доме.

Голиков остановился перед крыльцом. Сердце его колотилось неистово: ведь он не был здесь почти два года.

Миновав холодные сени, Аркадий Петрович открыл дверь в прихожую. Дом выглядел пустым.

Кинув чемодан и мешок, Голиков заглянул в столовую. Комната была чисто прибрана, только в ней стало поразительно мало вещей. Исчезли фарфоровые и бронзовые статуэтки, за стеклом в буфете уже не поблескивали серебряные подстаканники, сахарница и вазочки для конфет. Видимо, все ушло на базар, в обмен на продукты.

Голиков легонько толкнул дверь в комнату сестер. В кресле со спицами в руках сидела тетя Даша. Рядом с ней на кровати расположились Катя с Олей, а совершенно взрослая Талка – Наташа, опершись локтями на стол, читала вслух «Вешние воды» Тургенева.

Первой Голикова увидела тетя Даша. Она перестала вязать, хотела произнести слово – и не смогла. Слезы полились по ее худым и морщинистым щекам. Девочки, недоумевающая, обернулись в сторону двери, увидели брата, но не завизжали, как в прошлый раз, когда он явился на костылях и они напугались, что он без ног, а молча поднялись, не спеша приблизились, обняли в шесть рук и уткнулись ему в грудь лицами.

Только тут сдавленный стон вырвался из теткиной груди. Кинув на пол вязанье, она бросилась к племяннику, прижалась щекой к его щеке. Девочки и тетка внезапно и дружно заплакали. И комполка Голиков, неловко обхватив их всех, почувствовал, что плачет тоже, и стал подряд целовать Талку, Олю, Катюшку, тетю Дашу, удивляясь бледности их осунувшихся лиц.

«Они же голодные!» И он кинулся в прихожую к своему мешку, будто еще минута – и они умрут от голода.

Голиков вытряхнул на кухонный стол буханки хлеба, банки с консервами, сало, несколько соленых рыбин, крупу, сахар и даже махорку, которую можно было обменять.

За ужином тетя Даша подбрасывала из своей тарелки то слабенькой Оле, то младшенькой Кате, но Голиков заставил поесть и тетю Дашу, обещав, что отправится утром к военному коменданту и получит что-нибудь еще.

После чая они впятером уселись в столовой на диване. Голиков очутился в центре. Талка обхватила его правую руку, младшие цепко держали левую, тетя Даша сидела и вязала в углу дивана. И Аркадий Петрович вдруг понял, что еще ушло из дому, кроме статуэток и серебряных подстаканников, – не стало уюта и семейного тепла, потому что не было мамы.

Наталья Аркадьевна уехала по партмобилизации в Киргизию, в Пржевальск. Там она заведовала отделом здравоохранения и одновременно была секретарем уездно-городского ревкома. В Киргизии в ту пору шла борьба с басмачами. И Голикову было трудно представить: их мама, которую он чаще всего видел в белом медицинском халате, ездит верхом с наганом на поясе и, по всей вероятности, ей приходится стрелять...

И хотя мама присылала из Пржевальска посылки, равно как и отец из Сибири, но шли посылки по многу месяцев, часто терялись и существенно улучшить положение девочек и тети Даши не могли.

Уезжая на другой день из дома, Голиков оставил весь свой паек. В дороге, надеялся он, военные коменданты его накормят. И еще он отдал тетке свое новое обмундирование. Тетя Даша сопротивлялась, но Аркадий Петрович уговорил ее продать или обменять сапоги, галифе и френч на съестное. Кроме того, оставил немного денег. Больше он пока ничем не мог им помочь.

Единственное, что обрадовало Голикова дома, – он узнал, что отец служит теперь в Иркутске...

Встреча

Голиков нежно любил мать, но боготворил отца.

Это отец впервые объяснил ему, что такое благородство и низость, отвага и трусость, честь и позор. Отец впервые заговорил с ним и о политике.

Однажды, когда Аркадий был совсем маленьким, они с отцом отправились на прогулку. Разговор у них зашел о «каторжной Сибири». Отец мягко заметил:

– В Сибири много хороших людей. Во всяком случае, много больше, чем в Арзамасе. – И, увидев недоумение на лице сына, пояснил: – Уже не первое столетие в Сибирь ссылают самые лучшие и благородные умы России. Ссылают вместе с уголовниками, как бы приравнивая к разбойникам с большой дороги.

Аркадий знал: с отцом он может говорить обо всем на свете. Если что-то случалось и другие мальчишки бледнели от одной только мысли, что узнают родители, Аркадий, дождав-шись вечера, все неторопливо и обстоятельно рассказывал отцу. Это не всегда было приятно, хотя отец никогда не кричал и не ставил в угол. Наказанием служило то, что отец бывал им недоволен. И как об очень тяжком испытании Голиков вспоминал, что однажды здорово провинился и отец не разговаривал с ним целое воскресенье.

Когда в августе 1914 года Петра Исидоровича забрали в армию, Аркадий сильно без него скучал и поздней осенью сбежал к отцу на фронт, но по дороге его перехватили и вернули.

Попав в 1919 году на фронт сам, Аркадий в трудные минуты вспоминал прежде всего отца, которого так недоставало все это время. А встретиться не удавалось.

В Иркутске лишь под вечер Голиков отыскал на запасных путях штабной вагон. Петр Исидорович был теперь военным комиссаром Рабоче-крестьянской инспекции 5-й армии.

Созданная по указанию В. И. Ленина, Рабоче-крестьянская инспекция призвана была навести порядок во всех сферах управления. Ее сотрудники были наделены громадными полномочиями.

Часовой у вагона проверил документы Аркадия Петровича, удивился совпадению фамилий. Пришлось объяснить. Голиков поднялся по ступеням, прошел по узкому коридору. Половину вагона занимали купе, а вторая половина была переделана в кабинет. Здесь за письменным столом, при свете единственной свечи, работал человек.

В вагоне стоял холод. Человек сидел в шинели, но без шапки. Голова его была наголо обрита. На лице темнели густые брови и широкие усы.

Когда Аркадий Петрович остановился метрах в двух от стола, человек, печатая одним пальцем на ундервуде, не подымая глаз, попросил:

– Минуточку.

От звука его голоса Аркадий Петрович вздрогнул.

Он дословно помнил все письма отца, сколько их пришло с 1914 года, видел отца на присланных с передовой фотографиях: сначала как бы напуганного, вытянувшегося по стойке «смирно», в бескозырке блином; потом уже уверенного, обстрелянного, во франтоватой фуражке слегка набекрень, с чуть насмешливым выражением красивого и смелого, на войне помолодевшего лица. По отцовского голоса Аркадий не слышал уже несколько лет.

И одно-единственное слово, произнесенное Петром Исидоровичем, всколыхнуло так много давнего, солнечного и счастливого, что Голиков не пожелал больше ждать ни секунды.

– Папочка, – с жалобными, детскими интонациями произнес он, будто в мгновение ока возвращаясь на много лет назад.

– Что вы сказали?! – Петр Исидорович резко поднял голову.

Он всматривался в полутьму вагона, где стоял высокий молодой командир, в котором было что-то очень знакомое и родное, но Петр Исидорович уже десятки раз ошибался, принимая за сына совершенно чужих людей.

Они виделись в последний раз четыре года назад, когда Аркадий приезжал к нему в Пензу: полк находился на переформировании. Тогда Аркадий был еще ребенком, школьником. Даже на фотографии, которую Петру Исидоровичу переслали из дома, Аркадий, хотя и снялся в военной форме с пистолетом и кортиком, выглядел подростком, который вырядился в чужой костюм. А сейчас в полутьме вагона стоял высокий широкоплечий мужчина.

Словно опасаясь в очередной раз ошибиться, Петр Исидорович взял увесистый подсвечник со свечой и подошел к Аркадию Петровичу. Уже не сомневаясь, что перед ним сын, Петр Исидорович несколько мгновений жадно рассматривал его.

– Аркашенька, – наконец тихо произнес он и выпустил из рук светильник, который гулко стукнулся о железный пол. Свеча погасла.

Уже в полной темноте они стремительно обняли друг друга и замерли. И простояли бы, наверное, так очень долго, если бы, светя карманным фонарем, не вбежал часовой. Он услышал встревоживший его стук.

– Ничего, Ведеркин, все в порядке, – смущенно сказал Петр Исидорович. – Понимаешь, сыночек приехал.

Ведеркин деловито поднял подсвечник, зажег свечу, поставил на стол и деликатно удалился.

Отец и сын просидели в купе за самоваром до утра. Отец был полон нежности и заботы.

– Нога после ранения у тебя не болит? – спрашивал он. – Контузия не дает о себе знать? Контузия – вещь опасная. Снаружи ничего не видно, а человек не находит себе места. А как у тебя с теплыми вещами?.. Вот обожди, нам выдали. – И достал комплект трофейного шерстяного белья.

Наверное, потому, что он впервые видел сына взрослым и не успел привыкнуть к этому, Петр Исидорович разговаривал с ним так, будто Аркадий еще оставался маленьким. Петр Исидорович создавал нелепость такого обращения, а поделать ничего с собой не мог. И Аркадий Петрович по этому поводу снисходительно улыбался.

– За семь с половиной лет, что я служу в армии, – сказал Петр Исидорович, подкладывая сыну тушеное мясо с картошкой, – я потерял и молодость, и здоровье, и дорогих мне товарищей, вместе с которыми начинал воевать еще в германскую. Но самая главная моя потеря, что я прожил эти годы без вас, не видел, как рос ты и девочки. Если бы мне позволили, я бы отправился с тобой утром в Ужур. Я бы согласился служить при тебе писарем, только бы нам не разлучаться. Но пока мое прошение дойдет до начальства и вернется обратно, тебе уже пора будет ехать в академию.

...Думая на расстоянии об отце, Аркадий Петрович представлял себя маленьким, а отца большим, умудренным и сильным. На самом деле он, Голиков, вырос. Отец же, хотя и оставался еще деятельным и крепким, заметно постарел. В нем появились заботливость и суетливость тети Даши. И Аркадий Петрович не стал рассказывать отцу и половины того, что собирался, мечтая выговориться.

Странно: Голикову казалось теперь, что он много старше отца.

Соловьевщина

Из Иркутска Голиков уехал в Красноярск. Оттуда местный поезд привез его на станцию Глядень. Железная дорога здесь кончалась, и до Ужура пришлось тащиться подводой.

Места, в которые попал Голиков, назывались Хакасией. Тут испокон веков жил трудолюбивый народ, обликом и обычаями похожий на монголов. В основном это были полукочевые скотоводы. Голиков видел по дороге деревянные восьмиугольные юрты, отары овец, косяки коней.

В Ужуре Аркадий Петрович явился в штаб 6-го Сибирского сводного отряда с предложением о назначении «бывшего командира 58-го отдельного Нижегородского полка тов. Голикова» на должность «не ниже командира отдельного батальона». Армия сокращалась. Сокращался и масштаб ее деятельности.

Но батальона для Аркадия Петровича в Ужуре на первых порах не нашлось, и предстояло решить, кого заменит присланный командир. Пока же Аркадию Петровичу отвели в штабном особняке комнату, поручили обрабатывать ежедневные донесения и составлять разведывательную сводку.

После службы в 1919-м у Ефимова, командующего войсками по охране всех железных дорог Республики, где утром за тридцать – сорок минут следовало свести воедино и осмыслить сведения, поступившие практически со всех фронтов, составление суточной разведсводки по Ачинско-Минусинскому району занимало меньше часа. И Аркадий Петрович воспользовался этим, чтобы изучить документы о Соловьеве.

Адмирал Колчак оставил в Сибири кровавый след. Более 10 тысяч человек было расстреляно, более 14 тысяч принародно выпорото. Солдаты Колчака угнали 13 тысяч лошадей, 20 тысяч коров, увезли 1,5 миллиона пудов хлеба и более 12 тысяч крестьянских усадеб сожгли. Жестокость часто была бессмысленной.

Когда Красная Армия разбила Колчака, часть его поредевшего войска кинулась в Монголию и Китай, а часть, не успев бежать за рубеж, попряталась в тайге.

Тогда был издан специальный декрет. Солдатам и офицерам, которые служили у Колчака, но не имели отношения к контрразведке и карательным органам, объявлялось полное прощение.

Бывших колчаковцев, когда они выходили из тайги и сдавали оружие, селили на короткий срок в специальные городки. Это не было заключением: ворота здесь не запирались. На протяжении двух-трех недель вчерашних врагов кормили, лечили, помогали установить связь с близкими, знакомили с декретами Советской власти. Бывшим колчаковцам показывали фильмы, спектакли, неграмотных учили читать и писать, чтобы они могли сами, хотя бы по складам, разбирать статьи в газетах. Затем каждого снабжали справкой, проездными документами, деньгами на дорогу и отпускали домой.

Через такие лагеря прошло свыше 120 тысяч человек. Позднейшая выборочная проверка показала: абсолютное большинство вернулось к семьям и труду. Среди отпущенных домой был и никому в ту пору не известный Иван Николаевич Соловьев.

В характеристике, составленной в 1920 году, говорилось: «Соловьев Иван Николаевич, 32 лет, родился на Чулыме, в станице Светлолобовка, потом жил в станице Форпост. Еще парнем его знали как отъявленного лихача и забияку, который не гнушался подлости и обмана ради своей корысти. Часто беспробудно пьянствовал, любил прихвастнуть, показать себя и выслужиться»*.

Приметы Соловьева были такие: росту невысокого, сложения прочного, исключительно подвижен и проворен. Волосы имеет рыжеватые, глаза голубые, нос хрящеватый, заостренный, носит казацкие усы. А голос у него командирский, громкий. Очень смел, отлично стреляет.

Отец Соловьева, говорилось в донесении, считался почти бедным, потому что по сибирским меркам хозяйство имел небольшое. В настоящий момент ведает хозяйством в банде, куда Иван Соловьев также забрал жену-хакаску и двоих детей. Видимо, благодаря жене Соловьев хорошо говорит по-хакасски, знает все обычаи, на хакасском языке поет даже песни, что вызывает к нему симпатии коренного населения.

У Колчака Соловьев заслужил лычки урядника (то есть унтер-офицера), но ни в каких злодействах замешан не был. Из леса вышел добровольно и, получив необходимые бумаги, отправился в деревню Черное озеро, где поселилась его семья.

Как было установлено позднее, уже на другой день после возвращения Соловьев ходил по своему двору, пилил, колол, тесал, забивал гвозди, чистил хлев, чинил плуг, поил скот, набивал обручи на тележные колеса. Его почти круглые сутки видели за работой.

Внезапно без всякого повода Соловьева арестовали. Уезжал он спокойно, жену в присутствии односельчан уверял, что это, надо полагать, добавочная проверка и он скоро вернется.

А дальше в документе шла скороговорка: «Соловьев был доставлен в г. Ачинск. Бежал по дороге на работу, на которую его, как заключенного, доставляли. Вернувшись в свою деревню, он организовал банду из 6 человек, в основном из своих родственников»*.

Голиков прервал чтение. Скороговорка ему не понравилась. В документе умалчивалось, в чем Соловьев был обвинен и на основе каких доказательств. И то, что Соловьева доставляли на работу уже в качестве заключенного, должно было свидетельствовать, будто бы правосудие совершилось. Но когда состоялся суд и каков был приговор?..

В той же папке Голиков нашел копию разведсводки: «В Ачинске арестованный (по какому делу, не указано, подметил Аркадий Петрович), бывший урядник-колчаковец И. П. Соловьев, возвращаясь днем с допроса, столкнул лбами двух своих конвоиров, не взял их оружие и скрылся в неизвестном направлении. Конвоиры наказаны».

По свидетельству жительницы станицы Форпост, из Ачинска Соловьев явился в их село, где он раньше жил, ходил по улице не таясь. Зная, что он бежал из-под стражи, некоторые односельчане рекомендовали ему вернуться, «чтобы не было хуже». Соловьев отмахивался от таких советов. Собрав небольшую шайку, поселился в Еловом логу, верстах в двадцати от Форпоста. На одной из сопок, получившей позднее название Соловьевской, он обосновался в старинной хакасской крепости. Прямо под горой, на заимке, жили казаки. Они пасли скот, заготавливали сено. Казаки снабжали Соловьева и его товарищей хлебом и мясом, вместе пьянствовали, но никто из них его не выдал, так как он считался невинно пострадавшим.

Далее в бумагах отмечалось, что шайка считалась неавторитетной, вела себя сдержанно и поначалу никого не трогала. Но жить одним подаянием она не могла и начала останавливать на дорогах подводы, отбирать часть продуктов. Если же Соловьев навещался в село, то чаще просил, чем отнимал. Иными словами, понял Голиков, чувствовал себя атаман в ту пору неуверенно, пока не случилось из ряда вон выходящее событие. Оно оказалось переломным в истории шайки Соловьева.

На территории Ачинского уезда в феврале 1921 года появился кавалерийский отряд примерно в 250 сабель под командой полковника Олиферова. Отряд состоял из офицеров-колчаковцев, которые не рассчитывали на милосердие народной власти: на совести каждого было достаточно злодейств.

Олиферов имел легкие пушки с запасом снарядов, пулеметы и солидный обоз с награбленным на приисках золотом, церковной утварью, картинами старых мастеров и другими ценностями. Полковник собирался прорваться в Монголию.

План его стал известен нашему командованию. В штабе ЧОНа губернии двое суток взвешивали, что целесообразнее: дать отряду уйти или закрыть границу?

Отряд Олиферова был перехвачен близ деревни Сорокиной Ачинского уезда. Колчаковцы попали под сокрушительный огонь. Многие офицеры были убиты. В их числе сам Оли-

феров. Отряд отступил на юг, в район Чебаки – Покровское. «Здесь остатки отряда Олиферова, – читал Голиков, – встретились с бандой Соловьева, влились в нее. И Соловьев объявил себя командиром. С этого времени банда начинает расти и проявлять активность. Рост банды происходит не за счет добровольцев, а за счет людей, которых принуждают силой»*.

Нелепое на первый взгляд слияние отряда кадровых военных с ватагой из шести человек на самом деле имело глубокий смысл. Рассчитывать на поддержку местного населения бывшие колчаковцы не могли. За спиной Соловьева и его лихой шестерки полторы сотни офицеров надеялись решить множество неотложных проблем, прежде всего проблему питания и обеспечения фуражом.

И вот что еще бросалось в глаза. Пока отряд Олиферова и ватага существовали отдельно, они не выдвигали никаких политических лозунгов. Для тех и других главным было выжить. А когда они слились, возникла политическая программа. Сначала Соловьев был объявлен «жертвой красного террора», тем более что в Хакасии история его загадочного ареста, а затем и побега была хорошо известна. Затем возникшее объединение стало именоваться «белым горно-партизанским отрядом» во главе с «народным вожаком» Иваном Соловьевым.

...Голиков прервал чтение. Ему показалось, что на самом деле к роли «народного вожака» бывшего урядника готовили давно. Вероятно, еще с той поры, как он попал в красноярский лагерь для бывших колчаковцев. Кто-то, видимо, обратил внимание на незаурядность характера, многолетний боевой опыт и то решающее обстоятельство, что Соловьев был из местных. День, когда бывшего урядника отпустили к семье, на Черное озеро, был, по сути, началом операции. Необоснованный арест, торопливое осуждение (если суд на самом деле состоялся) и слишком легкий – среди бела дня – побег могли быть подстроены. Впрочем, подумал Голиков, это несложно проверить.

Он запросил из Ачинска материалы по делу Соловьева. Ему ответили, что материалы не сохранились. Тогда Голиков потребовал сообщить, кто вел допросы будущего командира «белого горно-партизанского отряда». Ему написали, что случилось это давно, имя следователя никто не помнит.

Итак, в чем состояла вина Соловьева, из-за которой его арестовали, не ясно. Папка с «делом» Соловьева исчезла. Но еще более странным выглядело то, что у всех стерлась в памяти фамилия следователя.

Голиков обратил внимание, что загадочная история с Соловьевым произошла в 1920 году, когда началось восстание Антонова на Тамбовщине.

Но антоновщина была задумана и спланирована в Париже, в кругах белой эмиграции. Там решено было воспользоваться бедственным положением тамбовских крестьян, которых губернское руководство – где по дурости, а где и по злему умыслу – довело до нищеты и отчаяния. За спиной бывшего начальника кирсановской милиции Александра Антонова, кроме того, стояли Деникин, с одной стороны, и левые эсеры, обосновавшиеся в Москве и Тамбове, с другой. Вся цепочка умело налаженной агентуры, которая протянулась от парижских салонов до тамбовских лесов, хотя и с большим опозданием, но была распутана.

А здесь, в Хакасии, представители белого подполья, задумавшие «стихийное возмущение народных масс» в Сибири, оказались, видимо, лучше законспирированы. Или, скорей всего, их никто не искал. Но задачи обоих восстаний были сходны. С той лишь разницей, что несправедливый арест и побег Соловьева не дали вспышки «народного гнева». Наверное, после этого и было задумано усилить шайку Соловьева офицерами Олиферова, после чего «горно-партизанский отряд» и стал носить имя «великого князя Михаила Александровича»*.

Великий князь был родным братом Николая Второго и считался возможным наследником государя императора в случае его смерти, поскольку сын Николая, Алексей, был очень молод, а кроме того, тяжело и неизлечимо болен гемофилией – несвертываемостью крови.

В марте 1917 года вместе с Николаем Вторым Михаил Александрович подписал отречение от престола. Живя теперь в Париже, великий князь вряд ли предполагал, что в тайге между Минусинском и Ачинском полторы сотни колчаковцев мечтают посадить его на российский трон.

Было очевидно, что люди, которые разрабатывали политическую программу «горно-партизанского отряда», не вполне представляли местные условия. Имя великого князя здесь никого не волновало. Лозунг «За Учредительное собрание» – тем более. Хакасы, среди которых было менее пяти процентов грамотных, понятия не имели, что это за собрание и для чего оно нужно. Однако обещания Соловьева заступаться за хакасов расположили к нему значительную часть местного населения.

Но что же стояло за лозунгами Соловьева?..

Александр Антонов, подымая мятеж, надеялся «свергнуть правительство в Москве», а затем «возвратить фабрики и заводы прежним владельцам, концессии – иностранцам»*. Соловьев, сидя в тайге, рассчитывать, что он свергнет Советское правительство, естественно, не мог. При этом один пункт его политической программы заслуживал пристального внимания: бывший урядник предлагал отделить Хакасию от Советской России и создать «самостоятельное независимое государство».

Хакасия – это были не только пашни и пастбища, где сорок тысяч так называемых инородцев (сюда входили дети и старики) содержали почти миллион голов скота: коров, овец и лошадей, и не только леса, полные ценнейшей древесины и пушного зверя, мех которого много столетий был валютой. Недр почти неизученного края хранили каменный уголь, железо, россыпи золота и другие полезные ископаемые. Наивно было бы думать, что мысль об отделении Хакасии пришла в голову самому Соловьеву. Видимо, чтобы оторвать Хакасию от России, и была затеяна соловьевщина. Таинственные организаторы учли и новое советское законодательство, где провозглашалось право наций на самоопределение (по этому декрету от России отделилась, например, Финляндия), и то обстоятельство, что Хакасия имела общую границу с Монголией. Далеко не случайным выглядел и полуофициальный титул, кем-то дарованный Соловьеву, – «император тайги». Он заключал в себе намек, что Соловьев (если заслужит!) имеет шанс сделаться правителем «независимой Хакасии».

Окружение Соловьева состояло из офицеров. Обязанности начальника штаба взял на себя полковник Макаров, по донесениям агентов – убежденный монархист, который даже в лесу носил форму с погонами. Правой рукой «императора тайги» сделался двадцативосьмилетний прапорщик Королев, по образованию агроном². И только разведку Соловьев доверил хакасу Сильверсту Астанаеву.

Астанаев был умный, проницательный и вероломный человек. По слухам, окончил Томский университет. Грозя кому разорением, кому иными карами, начальник разведки Соловьева заставил работать на себя тысячи хакасов. По сообщениям наших агентов, Астанаев ежедневно получал донесения со всех концов края, был в курсе любых действий чоновских отрядов. Многие сведения поступали к нему голубиной почтой. Только при самых тщательных мерах предосторожности нашим командирам удавалось порой что-либо скрыть от всевидящих глаз людей Астанаева.

Но у Соловьева возникли трудности. Под знамя с вышитым портретом великого князя Михаила Александровича почти никто идти не желал. А с двумя сотнями «борцов» за «освобождение инородцев» об отделении Хакасии от Советской России нечего было и думать.

И тогда – здесь тоже проявилось сходство с тактикой Антонова – Соловьев ступил на путь провокаций. Местных жителей под дулами винтовок загоняли в тайгу. Их заставляли совер-

² Разведорганами Енисейской губернии в ту пору еще не было известно, что под именем полковника Макарова скрывался подпоручик Зиновьев, который позднее вместе с Королевым сдался в плен.

шать преступления, после которых вчерашние скотоводы и земледельцы не могли вернуться домой. Тысячи хакасов и русских против своей воли явно или тайно оказывались втянутыми в соловьевщину...

По многочисленным донесениям, всю прошлую осень «император тайги» грабил и разорял рудники. Он брал не только золото. Его бандиты выламывали и отвозили в тайгу паровые котлы, железные печи, оконные рамы, мебель, книги и даже граммофоны. Соловьев сооружал прочные жилища. Он рассчитывал обосноваться в лесу надолго.

Изучив папки с документами, Голиков отправился к командиру 6-го Сибирского сводного отряда.

– Отпустите меня в Ачинск, – попросил Аркадий Петрович.

– Зачем? – удивился Кажурин.

– Хочу поискать людей, которые организовали соловьевщину.

Паша с вами задача, товарищ Голиков, с Соловьевым покончить. Если у вас имеются конкретные факты или вы можете назвать имена заговорщиков, сообщите их в губотдел ГПУ.

Назвать имена Голиков не мог. Он их пока не знал. Между тем люди, которые организовали соловьевщину, и теперь могли находиться совсем рядом.

Новая должность

Два тревожных сообщения поступили почти одновременно. «Возле дорог, ведущих в лес, – говорилось в первом, – появились фанерные щиты с приказом Соловьева. Под угрозой расстрела атаман запрещает населению углубляться в тайгу «более чем на пять километров от края ее»*.

Но жизнь сибиряков всегда была связана с тайгой. И потом, как в зарослях определить: ты углубился в лес на одну или на три версты?

А в другом донесении говорилось, что Соловьев разослал во все сельсоветы ультиматумы. Он предложил сельсоветчикам... сдать оружие, гарантируя за это жизнь. Иными словами, «император тайги» объявлял Советскую власть в Ачинско-Минусинском районе как бы незаконной. Была ли это попытка запугать местное население, или Соловьев собирался начать самые активные действия?

По этому поводу в штабе 6-го Сибсводотряда было созвано совещание. Вел его комотряда Кажурин, лет пятидесяти, грузный и медлительный. Его внешность вовсе не вязалась с той работой, которой он занимался. И лишь те, кто видел Кажурин в деле, понимали, что он на своем месте.

– Положение становится нетерпимым, – сказал Кажурин. – С бандами Соловьева чаще других сталкивается комбат Касьянов. Мы знаем Касьянова давно. Это человек обстрелянный и отважный. Если нужно пойти в атаку, он первый оторвется от земли. Но с Соловьевым война не обычная, а странная... И в этой странной войне Соловьев нашего Касьянова допек. Да и я, честно говоря, не знаю, что дальше делать с Соловьевым. Москва прислала нам Голикова Аркадия. Человек он молодой, а служит в армии четвертый год. Воевал и с зелеными, и с бандами Антонова. Командовал полком. Отмечен товарищем Тухачевским. Я предлагаю послать Голикова на место Касьянова.

Голиков смущенно поднялся. Он неловко чувствовал себя оттого, что должен был занять место человека, которого здесь уважали и ценили. При этом Аркадий Петрович понимал: у него нет ни волшебной палочки, ни магического слова, с помощью которых он бы мог одолеть Соловьева.

– Поручаем вам, товарищ Голиков, поймать нашего Ивана, – совсем не по-уставному сказал Кажурин.

В комнате невесело засмеялись. Мысль о том, что присланный из Москвы паренек через недельку-другую сделает то, чего не удастся многим командирам уже два года, могла быть воспринята лишь как грустная шутка.

Но Кажурин не улыбнулся, Голикову тоже было не до смеха.

– Сделаю, что смогу, – тихо, несмело пообещал он.

На другой день телеграф отстучал шифровку: «26.3. в 12 ч. выехал из Ужура в Божьеозерное тов. Голиков для принятия батальона от комбата Касьянова... Касьянову прибыть в Ужур... Кажурин»*.

Одетый поверх шинели в громадный бараний тулуп, в папахе, надвинутой на самые уши, Голиков ехал в санях в сопровождении парнишки-кучера, приданного также для охраны. Повозку легко несла пара коней. Сани летели по пустынной дороге между высоких сопок, заросших темным лесом.

Парнишка трусил. Глаза его рыскали слева направо, и он часто оглядывался, точно ожидая погони. Это раздражало. Голиков спросил:

– Тебя как зовут?

– Тимошей...

- Ты где, Тимоша, родился?
- Местный я. Из Саралы.
- Давно служишь?
- Второй год.
- А чего робеешь?
- Заробеешь тут. Иван Николаевич с нашим братом красноармейцем знаете что делает?
- Стреляешь ты хорошо?
- Отец с двенадцати лет белковать брал.
- Я тоже стреляю неплохо. Отобьемся.

Тимоша хмыкнул.

– Иван Николаевич засаду знаете как устраивает? Вот мы сейчас едем, а навстречу нам из леса выйдут три мужика. Встанут посреди дороги. Мы с вами, от греха подальше, повернем назад. А там уже другие мужики ружьишками поигрывают.

– И что же, мы с тобой, охотник, не прорвемся, трех каких-то мужиков не уберем?

– Какое прорвемся?! Как только мы подумаем удрать, дерево поперек нашей дороги – хрясть!

– Послушай, но ведь такую засаду нужно заранее готовить. Зачем мы с тобой Соловьеву?

– Как зачем? Да Иван Николаевич давно уже знают, что вы за человек и по какой надобности едете.

Голиков не выдержал, засмеялся.

– Да откуда он может знать? Только вчера вечером все решилось.

Тимоша обернулся и полушепотом, точно Соловьев был рядом, произнес:

– Он все видит, все слышит, и пуля его не берет.

Голиков опять засмеялся.

– Почему не берет? Он что, из камня?

– Зачем из камня? – рассудительно ответил Тимоша. – Просто заговоренный. Люди на него злые. Сколько раз в него стреляли – хоть бы царапинка. А у нас ведь все охотники. Из винчестера белке попадают в глаз...

У Голикова испортилось настроение. Появись через минуту бандиты, рассчитывать он мог только на самого себя. Но еще больше его опечалило, что в унылых Тимошиных речах он слышал отголосок того, что говорили и думали в селах.

Уже начало темнеть, когда впереди блеснула синеватым льдом огромная впадина. За ней начинались горы.

– Божье озеро, – с гордостью произнес Тимоша. – Давным-давно в нем нашли икону Божьей Матери. Икона плыла в дорогом золотом окладе и не тонула. Ее вынули из воды, а она сухая. Говорили: больной если к ней прикоснется, сразу делается здоровым.

Тимоша, натянув поводья, остановил коней возле крыльца бывшей казачьей думы. Часовой, узнав его, кивнул. Голиков, сбросив тулуп в сани, вошел в дом. В прихожей было несколько дверей. Одна оставалась приоткрытой. Голиков заглянул в нее.

При тусклом дневном свете, который лился из окна, высокий военный с жестковатым лицом торопливо собирал чемодан. На письменном столе были разложены полотенце, рубашки, чистые портянки, два куска хозяйственного мыла, жестянка из-под монпансье, пустая кобура, наган и горка патронов к нему.

Голиков, вежливости ради, легонько постучал. Человек, поглощенный сборами, стука не услышал. И вдруг нечаянно обернулся, заметил в дверях незнакомую фигуру и схватил наган.

– Стой! – крикнул он. – Буду стрелять!

– Мне нужен комбат Касьянов, – сказал негромко Голиков, стараясь не делать никаких движений, чтобы человек с перепугу не пальнул.

– Я – Касьянов.

– Я – Голиков. Вы получили шифровку?

– Получил. Но там не сказано, что ты будешь красться на цыпочках.

– Я постучал.

– А что в Москве вашей думают: с Иваном любой мальчишка справится?

– Товарищ Касьянов, мне уже восемнадцать.

– А у меня два Георгиевских креста за германскую войну! Ты еще в штаны писал, а я уже в окопе гнил! – Касьянов швырнул на стол револьвер и схватил плоскую жестянку из-под монпансье. Она звякнула, будто детская копилка с медяками. Касьянов вытряхнул из нее на широкую ладонь целую пригоршню медалей и крестов на черно-коричневых георгиевских лентах. – А здесь, видите ли, не подошел. Ты годишься, а я – нет.

– Кажурин сказал: никто не сомневается в вашей храбрости...

– Ладно. Тебе приказали – ты поехал. Снимай шинель. Пожужем чего-нибудь. – Касьянов сыпал награды обратно в жестянку и плотно закрыл ее крышкой.

– А красивые, Емельян Митрофанович, тут места, – сказал Голиков, чтобы переменить тему. – Тихо-тихо.

– Хлебнешь ты еще, парень, нашей тишины, – пообещал ему Касьянов.

Утром перед штабной избой уже стояла шеренга бойцов. Каждый держал в поводу оседланного коня. Когда Касьянов с Голиковым появились на крыльце, раздалась команда «Смирно!» и средних лет красноармеец, придерживая саблю, подошел парадным шагом и отдал честь.

– Товарищ командир, – обратился он к Касьянову, – первый взвод в составе сорока человек построен. Комвзвода Мотыгин.

– Вольно! – скомандовал Касьянов. – Братцы, представляю вам нового командира батальона. Служите ему так же верно, как служили мне. А я вас всегда помнить буду. – Больше он говорить не мог.

– Товарищи, – пришел ему на помощь Голиков, – я тоже с грустью расстаюсь с Емельяном Митрофановичем. Низкий поклон ему за его храбрость и заботу о вас. Ура!

– Ура! – закричали бойцы.

– Здесь только сорок человек, – недоуменно заметил Голиков, поворачиваясь к Касьянову. – Где же остальные?

– В том-то и беда, что весь батальон – сто двадцать шесть человек при четырех пулеметах – разбросан на огромной территории. Так что дай бог нашей дитяти волка поймали.

Касьянову подвели его коня, крепкого, низкорослого, мохнатого – видимо, очень выносливого. Касьянов поцеловал его в морду, махнул бойцам рукой, сел в возок, который подогнал Тимоша, и укатил.

Шуточка

В тот же день Голиков снарядил разведку из десяти человек под командой Мотыгина. Разведчики возвратились через сутки, ничего о банде не узнав. Зато часовой задержал мужика, который крутился возле сарая с боевыми припасами. Мужик пытался бежать, часовой сбил его с ног и привел к Голикову. В кармане у арестованного нашли гранату и наган. Мужик, не робея, признался, что «служит у Ивана Николаевича», но больше говорить не пожелал.

Голиков отослал пленного на подводе с двумя конвоирами в Ужур. Бойцы вернулись неожиданно быстро и сообщили, что мужик по дороге бежал. Они в него стреляли и убили.

«Убили или отпустили? – думал Голиков. – Если даже убит, как проверить, что он пытался бежать? А если просто побоялись ехать в Ужур, чтобы не столкнуться по дороге с бандитами?»

Голиков не знал, что хуже. Заняться расследованием не было времени. Он посадил бывших конвоиров под арест, а во главе новой разведки в десять человек отправился сам. У него было ощущение, что Соловьев где-то рядом. В надежде на встречу с ним Голиков двинулся из Божьеозерного в соседнее село – Ново-Покровское. Столкновение с бандой было ему необходимо, чтобы доказать Мотыгину: разведка накануне была проведена плохо.

По дороге Голиков приветливо здоровался со встречными и останавливался побеседовать. Старушка с узелком охотно сообщила, что идет проведать больную дочку. Затем Голиков остановил вежливо сани с мешками овса. В них сидел молодой парень, который показался Аркадию Петровичу подозрительным: по возрасту ему бы следовало служить в армии. Парень эту настороженность уловил и со злым лицом откинул полость. Аркадий Петрович увидел свежеструганную деревяшку вместо ноги. Третьим собеседником был сухонький старичок с топором за поясом, который вывозил из чащи на санях дрова.

И вот все трое, беседуя с Голиковым, на вопрос о Соловьеве, будто сговорившись, ответили, что давно о нем не слыхали.

Комбат им не поверил. Здесь, в Ачинско-Минусинском районе, подымаясь рано поутру, люди прежде всего спешили узнать у соседей, где что за ночь произошло. По этим сведениям они судили, может ли Соловьев появиться в ближайшее время в их селе, свободен ли проезд в соседнее. И то обстоятельство, что все, кого Голиков встретил, сказали, что ничего о бандитах не знают, служило верным признаком, что Соловьев на самом деле близко.

Голиков вспомнил Тимошино: «Иван Николаевич все видит, все слышит, и пуля его не берет». Похоже, так считал не один только Тимоша.

Беседа с жителями Ново-Покровского ничего не дала, и Голиков вернулся в Божьеозерное с пустыми руками. После разноса, который он учинил накануне Мотыгину, было стыдно глядеть людям в глаза.

...Проснулся Голиков на рассвете от негромкого говора.

– Не можно, он совсем недавно лампу потушил, – убеждал молодой голос, который принадлежал часовому.

– Как же не можно, – отвечал другой, старческий, – они же нам разорение сделали!

Аркадий Петрович вскочил с койки, натянул галифе и босиком выбежал на морозное крыльцо. Перед домом стояли два мужика: один постарше, с седеющей бородою, а другой – с бритым лицом. Они были одеты в шубы, меховые шапки и валяные сапоги. Шуба на борода-том была аккуратно зачинена, стежки суровой нитки прочерчивали угол левой полы, словно кто-то полу отрывал. «Возможно, медведь», – машинально подумал Голиков. При появлении командира оба мужика опустили на колени.

– Встаньте! Что вы! – смутился Голиков.

– Батюшка, помоги! – попросил бородастый. – Совсем извелись.

– Сначала встаньте. В чем дело?

Мужики поднялись.

– Новопокровские мы, – начал бородатый. – Как только ты позавчерась ушел со своими солдатами, так сразу налетел Егорка Родионов. И ну грабить, ну шарить по кладовым да по конюшням. И лошадей забрали, и хлебушек, а потом еще веселье устроили...

– Недавно только убрались, – добавил бритый.

– Что же вы не пришли сказать, пока они пьянствовали?! – досадуя, спросил Голиков.

– А боязно было, батюшка, – простодушно объяснил бородатый. – Если Иван или Егорка узнают, что мы у тебя были, – гореть нашим избам.

– Пойдемте ко мне, – сказал Голиков. Он провел их в кабинет, задернул шторы. – Сколько человек было с Родионовым?

– Да десятков до трех, – сказал тот, что помоложе.

– Откуда Родионов? Как он выглядит?

– Иван-то наш, из Форпоста, – сказал бородатый. —

А Родионова впервой видим. А как он выглядит?.. Постарше тебя будет. Аккуратный, военный кожушок, как у офицера. Беседует строго. На ручке дорогой перстенок.

Рассказ мужиков подтверждал сообщение, что Иван Соловьев по соображениям тактики разделил свой «горно-партизанский отряд» на отряды поменьше, доверив один никому не известному Егорке Родионову.

Позвав дежурного, Аркадий Петрович распорядился неприметно, с черного хода, вывести гостей из штаба, а затем продиктовал по телефону шифровку. Спустя тридцать минут поступил ответ, что на помощь Голикову направляется отряд Измайлова в шестнадцать штыков.

Шестнадцать штыков могли, конечно, пригодиться, но Голиков подсчитал, что Измайлов появится часа через два с половиной, не раньше. А Родионов, хотя и с награбленным, может уйти достаточно далеко. Оставив в Божьеозерном трех человек, Голиков наказал им задержать отряд Измайлова и помчался перехватывать Родионова.

...Отряд уже достиг окраины Ново-Покровского, когда впереди, метрах в ста, из калитки дома выбежал мальчишка лет двенадцати. Он был в рубашке и в холщовых штанах, заправленных в валенки. За ним, тяжело дыша, семенил хакас лет сорока, в пиджаке и опорках на босу ногу. По обеим сторонам дороги высились сугробы. И бежать можно было только по протоптанному снегу. Чтобы мужик его не поймал, мальчишка петлял из стороны в сторону. Внезапно мальчишка поскользнулся и упал. Мужик подлетел и, не дав ему подняться, принялся тuzить.

– Не смей! – крикнул Голиков, резко останавливая коня.

Вместе с командиром как вкопанный остановился весь отряд. Мужик испуганно распрягся.

– Кто вы такой? – строго спросил Голиков. – За что бьете ребенка?

Вид хакаса был нелеп. Редкая бородка. Жиденькие усы. Глаза смотрели растерянно, а рот заискивающе улыбался, обнажая желтые, прокуренные, но крупные и крепкие зубы.

– Насяльник, насяльник, – повторял хакас и кланялся.

– Отец не понимает по-русски, – чисто, почти без акцента, произнес мальчишка.

– А ты где учился русскому? – удивленно спросил Голиков.

– Ходил в школу.

– Чем твой отец занимается?

– Делает седла.

– Вы здесь живете?

– Да.

– Скажи отцу, чтобы не смел тебя бить. Это ему не при царе.

Мальчишка перевел. Хакас кивал и кланялся. Выглядел он жалким.

Отряд взял с места и въехал в Ново-Покровское. Дома здесь были поставлены вокруг небольшого, еще замерзшего озера. По у въезда в селение была вытоптана просторная площадь. Посреди нее валялись разноцветные тряпки, грязный снег был усыпан золотистым, чистым зерном. Тут же лежала пристреленная рыжеватая собака. Стекла ближайшего дома были разбиты и заткнуты подушками.

Поняв, что это чоновцы, на площадь начали несмело выходить люди. Было их немного: трое стариков, пять или шесть женщин средних лет – в надвинутых на глаза темных платках они выглядели на один возраст – и несколько дряхлых старух. Одна стояла, согнувшись колесом и так низко опустив голову, что лица ее видно не было. Если бы ее бугристая рука не опиралась на палку, старушка бы упала.

– Граждане, – произнес Голиков, – мы приехали заступиться за вас и вернуть награбленное.

– Всю муку забрали, – пожаловалась женщина в немецкой шинели с обожженной полкой. – И всю одёжу. Видите, во что вырядилась...

– А у меня коня последнего... – произнес сиплым голосом один из дедов. – А копать землю я не могу. Помирать с голоду со старухой будем.

И тут заплакала согнутая колесом старушка:

– А я золотые монетки припасла. Чтобы похоронили по-людски. У меня ж никого нет. Одна я. А Родионов велел трясти меня, как мешок, пока я не отдала ему три золотые пятерки.

– Куда же они поскакали? – спросил Голиков.

– Я не видела, – ответила согнутая колесом старушка.

– Граждане, куда поскакали бандиты с вашей мукой, лошадьми и золотыми монетами?

Никто не ответил.

– Что же вы молчите? Мы ж хотим вам помочь!

– Я знаю! Я знаю! – раздался детский голос.

К площади бежал мальчишка, которого отец бил на дороге. Он уже был одет в облезлую меховую шапку и в полушубок со взрослого плеча с подвернутыми рукавами.

– Гявря, худо будет, – истеричным голосом предостерегла согбенная старушка.

Мальчишка растерянно остановился.

– Тебя зовут Гявря? – спросил Голиков.

– Да, но русские зовут Гаврюшка.

– Не бойся, покажи, – попросил Голиков.

Освободив правое стремя, он протянул мальчишке руку. Гаврюшка уселся впереди Голикова. Конь тронулся. Бойцы последовали за командиром.

Гаврюшка вывел отряд в чистое поле и показал на темнеющий в сторонке лес:

– Они свернули вот здесь.

– По снегу?

– Тут есть дорога. По ней возили бревна. Только ее замело... Можно, я пойду домой? – внезапно оробев, добавил мальчик и скользнул на землю.

– Да-да, – рассеянно ответил Голиков.

Мела поземка. Не было видно ни дороги, ни следов лошадей. Но Голиков не мог опять вернуться в Божьеозерное с пустыми руками. Он свернул с тракта и поехал по снежной целине. Конь тут же провалился по самое брюхо, заволновался; пытаясь выбраться из снега, нащупал копытом более прочный наст, сделал несколько торопливых шагов и снова провалился. Отряд продолжал стоять на дороге, не зная, следовать ли за командиром.

А Голиков лихорадочно думал: «Что, если мальчишка ошибся и дорога на пятьдесят метров дальше или ближе? Как же двигаться по целине?.. – И вдруг мелькнуло: – А вдруг подослан?»

В доли секунды Голиков представил, как замечательно смотрится в прорезь пулемета он сам и его тридцать семь бойцов на фоне свежеевыпавшего снега.

Аркадий Петрович оглянулся. Маленького проводника на дороге уже не было. В сознании Голикова пронеслись все случаи хитрости и вероломства бандитов, о которых он слышал. И вот на четвертые сутки пребывания в Божьеозерном он позволил одурачить себя. Вернуться, пока не началась стрельба? Но Голиков вспомнил черные, с длинными ресницами глаза Гаврюшки, полные изумления, что целый отряд заступился за него. Вспомнил и то, как мальчик вздрогнул от старухиных слов: «Худо будет...» Если бы его подослали, он бы не испугался этого предостережения.

Голиков почувствовал себя менее скованно и отпустил поводья. Низкорослый мохнатый конек, который достался ему от Касьянова, шумно понюхав воздух, повернул вправо. Нащупав передними копытами твердый наст, он вынырнул из снега, как из ямы, и, уверенно покачивая головой, двинулся к лесу.

– За мной! – приказал Голиков и ласково потрепал шею смышленного коня.

Спиной Голиков ощущал, что бойцы следят за каждым его движением, и понимал, что ему нельзя выглядеть неуверенным и робким. При этом он сознавал всю рискованность затеи и молил судьбу, чтобы на окраине леса, до которого оставалось не более сотни метров, их не ждал бандитский пулемет.

Когда отряд очутился в просеке между кедрами и Голиков убедился, что засады нет, он остановился и вытер ладонью совершенно мокрое от пота лицо. До последнего мгновения он ждал выстрелов.

Конечно, засада могла оказаться и в зарослях, и все-таки в лесу Голиков чувствовал себя более защищенно.

Поначалу не было видно никаких следов, что здесь прошла банда. Осторожно двигаясь по просеке, Голиков неожиданно заметил сломанную пихтовую веточку, а через несколько метров свежую ссадину на коре кедра – видимо, кто-то задел стальным стремянем. Эти два небольших открытия ободрили Аркадия Петровича и бойцов. Метров через двести просека вывела их к развилке, где висел щит:

Граждане!

Кто зайдет в тайгу далее 5 километров от края ее – расстрел!

Первым желанием Голикова было сорвать эту фанерку, но Мотыгин остановил его:

– Не надо, командир, люди могут пострадать. Ведь Соловьев будет думать, что он предупредил.

Голиков молча согласился. И разослал по каждой из двух дорог разведчиков.

Те, что направились по левой, вернулись быстро. Они вспугнули стайку воробьев, которые доклевывали рассыпанное зерно. Еще бойцы обнаружили грязную тряпку со следами крови: кто-то на ходу перевязывал рану.

Отряд двинулся по дороге, где было рассыпано зерно. Признаком, что банда прошла именно здесь, становилось все больше. Мотыгин заметил окурочек. Один из бойцов увидел обретенный винтовочный патрон.

Двое суток спустя Голикову предстояло узнать цену этим следам... Но сейчас он обрадовался им как доказательству, что банда прошла здесь.

Часов через пять, когда все изрядно устали, Голиков обратил внимание, что Родионов не сделал ни одной остановки для привала. Либо Родионов знал, что идет погоня, либо не сомневался, что она непременно будет. И спешил.

– Товарищ командир, отдохнуть бы, люди притомились, – попросил Мотыгин.

Голиков резко и раздраженно ответил:

– Родионову тоже некогда отдыхать.

– Но бандиты с утомленных лошадей пересаживаются на свежих.

Голиков прикусил губу: об этом он не подумал.

– Привал, – распорядился Аркадий Петрович.

Бойцы спешили. Кони начали разгребать снег в надежде найти под ним мох или траву.

Голиков разрешил съесть по сухарю: экспедиция затягивалась и было неизвестно, сколько продлится. И каждый, разломив сухарь, отдал половину коню.

...Заночевали в лесу, разведя костер по-сибирски – в яме. Бревна не горели, а только тлели, давая ровное обильное тепло. Голиков дремал в очередь с Мотыгиным. И лишь только начало светать, поднял отряд.

Отправленные вперед дозорные заметили над деревьями тонкий дымок. Там, где он вился, слышались похрупывание зерна и глуховатый звон уздечки. Когда Голиков с бойцами подъехали ближе, раздалось радостное ржание, на которое дружно ответили отрядные кони. Эта лошадиная солидарность раньше времени рассекретила приближение чоновского отряда. Голиков скомандовал: «Вперед!» – и выскочил с бойцами на широкую опушку. Она была залита кровью и усеяна трупами прирезанных коней. Посередине дымил, дотлевая, костер из мешков с зерном. Рожь усеивала и весь снег вокруг костра. Лишь один меланхолического вида мерин с огромным, раздувшимся животом продолжал размалывать своими сносившимися зубами зерно из недогоревшего мешка. Больше никого и ничего поблизости не было.

– Они не могли далеко уйти, – глухо сказал Голиков. – Раз побросали награбленное, значит, тоже выбиваются из сил. Привал на десять минут. Отдайте лошадям остатки зерна. И в погоню.

Вскоре картина повторилась. Снова была поляна, туши прирезанных коней, ножами испорченные седла. Значит, резали уже не краденых – своих. На краю поляны обнаружили яму. От нее в глубь тайги вели две лыжни. В яме были спрятаны лыжи. Отряд Голикова лыж не имел и дальше преследовать Родионова не мог.

В Божьеозерном Аркадия Петровича ждала телеграмма: «С отрядом в 25 человек догнал банду в 30 человек. С обеих сторон была открыта стрельба, после чего банда разбежалась... Один бандит убит, взята одна лошадь и одна винтовка. С нашей стороны потерь нет. Комвзвода Шмаргин»*.

Ждал Голикова в Божьеозерном и отряд Измайлова в шестнадцать штыков. Измайлову Голиков разрешил вернуться обратно.

Сбросив в кабинете шашку и кобуру с пистолетом, Голиков сел на стул. Хотелось скинуть и сапоги, по сил уже не было.

Пришел Мотыгин:

– Аркадий Петрович, там банька готова. Пойдемте попаримся.

Горячая вода и пар смыли усталость. Настроение Голикова из мрачного сделалось полу-благодушным.

«А ведь бежал от нас Родионов, – подумал он. – Бежал через всю тайгу, побросав награбленное. Только три золотых пятерки не бросил».

После бани Голиков с Мотыгиным сидели в дежурке штаба, ели картошку с мясом и пили чай. Мотыгин был доволен экспедицией.

– Касьянов тоже был хороший мужик, – неожиданно произнес взводный, наливая в кружку кипяток из самовара. – В бою был храбрый и людей жалел. Но последнее время делался нервный. Всюду мерещились ему хитрости Ивана. Будто всюду Иван ему готовит ловушку. И людей он этой робостью заразил. А вы, я поглядел, ничего... Служить с вами можно.

Открылась дверь, вошел дежурный по штабу, протянул пакет из серой плотной бумаги, изрядно замызганный и помятый.

– Товарищ командир, это вам, – как-то неуверенно произнес дежурный.

Голиков взял пакет. Крупным почерком на нем было выведено: «Пиридать Голекову срочна». Комбат надорвал конверт. На тонком листе по-писарски изящно и совершенно грамотно было выведено:

Аркадий Петрович!

Не сердчай, что малость пошутковал с тобой и застает тебя побегать по матушке-тайге. Ты еще молодой, тебе это полезно для здоровья.

Вообще хочу сказать, что ссориться нам с тобой нечего. И потому приезжай погостить. Самогон, я знаю, ты не пьешь. Так у меня «Смирновская» есть. С честью встречу – с честью провожу. А не сможешь приехать – так и быть, ящичек подброшу. Кто ни есть передаст.

Остаюсь уважающий тебя

Иван Соловьев.

Подписано послание было той же рукой, что и адрес на конверте.

– Откуда письмо? – резко спросил Голиков у дежурного.

– Принес незнакомый мужик, сказал, что нашел возле многолавки.

– Приведите его.

– А его нет. Он отдал и ушел. Это было с полчаса назад. Вы парились. Часовой не думал, что письмо срочное, – стал оправдываться дежурный по штабу.

– Это был случайный человек, – заступился Мотыгин. – Через случайных людей Соловьев рассылал и ультиматумы в сельсоветы. Но если мужик получает такой пакет, он боится послушаться. – Мотыгин взял листок из рук командира и теперь уже внимательно перечитал его. – Серьезное письмо, – заметил взводный, кладя листок перед собой. – Соловьев Касьянову тоже подбрасывал, но тому все больше грозил. А вам вроде оказывает почет. Значит, увидел, что нет в вас страха, и вроде как предлагает свою дружбу.

После ухода Мотыгина Голиков направился к себе в кабинет. Здесь он швырнул письмо на стол, запер ключом дверь и опустился в жесткое полукресло. Еще час назад он был доволен тем, что Мотыгин и бойцы увидели в нем не робкого командира.

и вот оказалось, что Соловьев с Родионовым его просто дурачили. Они играли с ним, Голиковым, как кошка играет с мышкой, если кошка сыта и может позволить себе подобную роскошь.

Таким мышонком, только в тайге и во главе отряда, был он, Аркадий Голиков, недавно еще командир полка, а ныне командир отдельного батальона.

Разорение Ново-Покровского, многочисленные следы, будто бы случайно оставленные в лесу, костер из хлеба и прирезанных лошадей – все это было бандитской шуточкой. Иван Соловьев устроил новому командиру проверку, а заодно показал, кто в здешних местах хозяин. После этого с высоты «императорского трона» Соловьев и предложил свое настораживающее благорасположение.

«Допустим, я даю согласие, и мы встречаемся, – думал Голиков. – Что я могу ему предложить: чтобы он вышел из тайги и сложил оружие? Но Соловьев расхохочется мне в лицо. Он понимает, что сегодня я ничего с ним поделать не могу. Тогда для чего он меня зовет: чтобы я пошел к нему в банду? Но в тайге я Соловьеву не нужен, хотя ему и было бы лестно, если бы я поступил в его «горно-партизанский отряд». Видимо, во время выпивки он собирается мне предложить, чтобы я ему «помогал», то есть стал бы еще одним агентом Астанаева...

Но обожди, – сказал себе Голиков, – Мотыгин вспомнил, что Соловьев подбрасывал письма и раньше. Вероятно, его люди следят, чтобы пакет попал по назначению. А если я подброшу письмо Соловьеву? Ведь кто-то его подберет? Кто?!»

Голиков взял лист бумаги и написал своим крупным полудетским почерком:

Иван Николаевич!

Спасибо за приглашение. Я водку-то и свою не пью, а Вашу и вовсе пить не стану. Я лучше из Июса напьюсь.

Арк. Голиков.

Он сразу повеселел, надел китель, отпер дверь и попросил дежурного разыскать Мотыгина. Комвзвода, запыхавшись, прибежал через несколько минут. Аркадий Петрович протянул ему пакет, на котором было выведено: «Командиру белого горнопартизанского отряда И. Н. Соловьеву. Срочно».

– Что вы его как величаете?

– Существует наука – дипломатия. Она учит даже с врагами разговаривать вежливо. Особенно если вежливость способна помочь делу. Пакет нужно положить на видном месте возле многолапки и посмотреть издали, кто его заберет.

Мотыгин довольно хмыкнул.

– Ясенько. Свое письмо Соловьев мог прислать и с чужим человеком, а забрать должен, кто все время нас с вами стережет... Я сделаю вот что, – Мотыгин от удовольствия прикусил даже нижнюю губу, – я пошлю сначала двух ребят поглазастее в дома возле многолапки: они там живут, – а потом сам положу пакет на крыльцо.

Мотыгин ушел. Голиков, напевая, принялся за работу. Он просмотрел скопившуюся почту, отложил одно письмо и одну разведсводку, которые показались ему любопытными. Четко и подробно, ничего не утаивая, написал в отчете о своей неудачной экспедиции и отнес шифровальщику для передачи по телефону в Ужур.

Мотыгин вернулся, когда стемнело.

– Письмо забрали, – сказал он, однако вид у него был расстроенный.

– Отлично, – обрадовался Голиков. – Кто взял его: приезжий или кто-нибудь из местных?

– Этого установить не удалось.

– Что значит не удалось? Людей в соседние дома вы послали?

– Послал. Бойцы говорят: пока было светло, письмо лежало. Когда малость стемнело, оно исчезло. Оба красноармейца божатся, что не спускали с конверта глаз.

– По не святой же дух его забрал!

– Кто знает... И еще одна неприятность. – Мотыгин замолчал.

– Да говорите ж!

– Вы посадили под арест Пнева и Машкина. Ну, которые не довели человека Соловьева до Ужура.

– Да. Я не успел еще с ними толком поговорить.

– Они бежали. Замок на сарае сорван, а Лебедев – он их стерег – лежит с проломленным черепом.

– Когда это случилось?

– Обнаружили только что.

– Лебедев в сознании?..

– В беспомощности. С ним фершал.

– Вы свободны. Идите. Я сейчас тоже приду.

Голиков почувствовал, что ему становится не по себе. И он почему-то вспомнил Касьянова с его жестяной коробкой из-под леденцов в болезненно трясущейся руке.

Трудное пробуждение

Во дворе залаяла собака. Голиков вынырнул из тяжелого сна, но глаза не открыл. И лежал так долго. Он слышал, как пропел первый взволнованный петух, а в сарае через улицу скрипнула тяжелая дверь и заблеяли овцы, потом у штабного крыльца сменился часовой.

А Голиков все не открывал глаз. Спать ему больше не хотелось – усталость прошла. Он умел отдыхать очень быстро и про себя гордился этим. Еще в детстве он прочитал: быстро отдыхать умел Наполеон. В походе император нередко ложился спать на двадцать минут и вставал освеженным и бодрым.

Но со вчерашнего дня, если Голиков и мог себя в чем-то сравнить с Наполеоном, то разве что после Ватерлоо. И он не размыкал век.

Открыть глаза значило мгновенно вскочить, ни секунды лишней не оставаясь в постели (так приучил его еще в детство отец), окатить себя с головы до ног ледяной водой, быстро позавтракать и приняться за дело. Но Голиков потому и не подымался, что не знал, за что приняться. Он был совершенно растерян.

Он ехал сюда, испытывая горделивое чувство превосходства над Касьяновым, который потерял инициативу и лишь отбивался от Соловьева.

«Какие такие невиданные хитрости изобрел Соловьев, – думал по дороге на Божье озеро Голиков, – что смелый и сильный мужик дошел до истерики?.. Нет, у меня нервы будут покрепче, и голову я не потеряю тоже».

И вот с первого дня «император тайги» не даст ему ни минуты покоя. Запугав конвоиров (Голиков в этом теперь не сомневался), Соловьев отобрал пленного, которого везли в Ужур. А теперь – озорства ради – выкрал и самих конвоиров, хотя они ему, скорей всего, не нужны. По плану Соловьева банда Родионова ограбила Ново-Покровское и заставила чоновский отряд без роздыху нестись через всю тайгу...

Поиграв желваками, Голиков вспомнил четыре или даже пять мест в лесу, где Соловьев с Родионовым могли устроить засаду и перебить весь отряд. И Аркадий Петрович снова задумался над тем, почему Соловьев этого не сделал.

«Предположим, – рассуждал он, – Соловьев бы расстрелял нас из пулемета. Что было бы дальше?.. Красноярск прислал бы полгарнизона, Соловьеву пришлось бы надолго спрятаться в тайге. С запасами после зимы у него плохо. И гибель моего отряда обернулась бы голодом для бандитов. А пятьсот здоровенных мужиков – не зайцы, которые будут грызть кору».

И чем больше Голиков думал о том, что произошло за минувшие дни, тем сильнее удивлялся, сколько изощренно продуманных ловушек приготовил ему «император тайги».

«Он посмеялся надо мной, дав понять, что подарил жизнь мне и моему отряду, – думал Голиков. – Соловьев был уверен, что я никому не покажу его письмо, из которого видно, что погоня по тайге была моей ошибкой. Эта ошибка могла стать смертельной. Значит, в следующий раз я десять раз подумаю, прежде чем пушусь следом за любым его отрядом.

Но и это не все. Даже отказавшись от приглашения приехать в гости, я, по замыслу Соловьева, вступлю с ним в молчаливый сговор. У нас с ним появятся как бы общие тайны. А за сохранение каждой такой тайны, полагает «император», мне придется платить...»

Голикова бросило в жар, когда он вспомнил, каким же беспомощным лепетом ответил Соловьеву. Правда, ответ он писал в надежде выявить агента, который заберет пакет.

И снова он, Голиков, попал впросак. Агент оказался «человеком-невидимкой» – прямо как у Герберта Уэллса. А Соловьев, получив ответ, небось катался от хохота по полу: «Нашли, кого прислать вместо георгиевского кавалера. «Я лучше из Июса напьюсь...» Как будто я только и приглашал его сюда, чтобы пить водку!..»

В досаде на себя Аркадий Петрович сбросил одеяло и сел.

«Что было, то было, – сказал он себе. – И Касьянов коварства Соловьева опасался не зря. Он был солдат. А здесь, как я теперь понимаю, другая война. Здесь тоже калечат и убивают. Но воюют здесь не только огнестрельным оружием, не только шашкой. И нечего переживать по поводу того, что я оказался дураком. Он дурачил и дурачит не одного меня. Сейчас нужно разобраться, почему «император тайги» сумел всех переиграть».

Голиков не заметил, что последнюю фразу он произнес вслух.

«О налете банды Родионова я узнал после того, как она ушла из Ново-Покровского. Будь у меня в Ново-Покровском свои люди, они бы сообщили раньше. Я бы настиг Родионова, когда он пьянствовал. И шуточка бы не удалась. То, что у меня нет в Ново-Покровском и в других местах своих людей, не моя ошибка, а Касьянова. Но больше я не стану ничего валить на Касьянова, потому расхлебывать все равно мне. Значит, мне нужны люди, которые станут сообщать не только о том, что уже произошло, но и о том, что еще может произойти.

Но как я таких людей найду, если я здесь никого не знаю? Мотыгин – человек исполнительный и надежный, но в делах разведки смыслит мало. А больше под рукой у меня никого нет».

* * *

Из рапорта командующему частями особого назначения Енисейской губернии:

Секретно

...Несмотря на то, что вся эта губительная канитель тянется третий год, органы ЧК и ГПУ пригодны здесь только для того, чтобы следить, не выпил ли командир стакан самогонки, и те органы совершенно забывают о своей прямой цели сообщать, что творится внутри банды. Я больше чем уверен, что для создания настоящей агентуры у них ничего не предпринято.
Арк. Голиков*.

Продолжение шуточки

Голиков перевел штаб батальона в Чебаки: близ этих мест гораздо чаще появлялись банды.

В центре села высился громадный трехэтажный дом с высокой башней, похожей на колокольню, – бывшая усадьба Константина Ивановича Иваницкого, известного золотопромышленника, инженера-геолога по образованию.

Отец Иваницкого долгие годы был управляющим у другого золотопромышленника, Цыбульского, который не имел своих детей, но у него был приемный сын. Тяжело заболев, Цыбульский вызвал к себе сына. Тот не приехал: внезапно исчез. Умирая, Цыбульский завещал свое «дело» и громадное состояние верному и безупречно честному управляющему. А вскоре возникли слухи, что к загадочному исчезновению младшего Цыбульского имел прямое отношение младший Иваницкий...

Свой дом в Чебаках Иваницкий велел построить из долговечного кедра. Возводили «замок» на манер средневекового иноземные мастера – то ли английские, то ли итальянские, – а расписывали московские художники. В «замке» свободно могли разместиться несколько сот человек.

В 1917 году Иваницкий спешно отбыл за рубеж. Часть своих богатств он заранее перевел за границу, что сумел, увез с собой, а часть закопал в тайге. Где спрятал, считалось, должен был знать его верный раб Мурташка (настоящее имя его было Федор Гордеевич Кочаев), оставленный в Чебаках присматривать на всякий случай за имуществом.

Мурташка на многочисленных допросах простодушно заявлял: да, незадолго до своего отъезда Иваницкий взял его в тайгу, как делал много раз. Ехали на двух подводах. На той, что правил Константин Иванович, было несколько тяжелых заколоченных ящиков. В тайге Иваницкий напоил Мурташку ромом, видимо с чем-то дурманящим, потому что выносливый Мурташка внезапно заснул мертвецким сном. А когда пробудился, Иваницкий исполосовал его кнутом: «Как ты смел заснуть? Полно было работы! Теперь, бездельник, поехали домой!» Но тяжелых ящиков на подводах уже не было.

Версию сочли правдоподобной, иначе бы Иваницкий увез Мурташку с собой или убил.

Легенда о кладе Иваницкого получила вполне реальное продолжение. В 1927 году вдова Иваницкого, которая жила в Китае, обратилась к Советскому правительству с письмом. Она предлагала отыскать тайник со слитками золота по плану, который ей завещал покойный муж. Половину она обещала отдать государству. Правительство разрешило. В сопровождении чекистов и других официальных лиц вдова Иваницкого приехала в Чебаки, попросила найти Мурташку.

– Ты помнишь, – спросила она бывшего слугу, – куда вы ездили с Константином Ивановичем последний раз?

– До смерти не забуду того проклятого места! Константин Иванович меня ни за что исполосовал кнутом.

– Это он нарочно сделал, чтобы ты не забыл. Веди нас туда. Я тебя отблагодарю.

Мурташка отвел.

– А где стояла палатка Константина Ивановича?

Мурташка показал.

Женщина отсчитала сколько-то шагов в одну сторону, потом, сверившись с листком, – в другую. Затем велела сопровождающим:

– Копайте под этим кедром.

Начали копать и нашли. В тайнике хранилось шесть пудов золота. Девяносто шесть килограммов!

Вдова выполнила обещание наградить и подарила Мурташке... 25 рублей, не прибавив больше ни копейки. Обобранный раб до конца дней своих не мог простить такого вероломства: ведь клад без него ни за что бы не отыскали.

А вдове Иваницкого в Красноярске объявили, что из шести найденных пудов ей положены не три, как она рассчитывала по первоначальной договоренности, а только полтора, то есть 25 процентов согласно закону о вознаграждении за случайно найденные ценности и клады. Обиженная вдова вернулась в Китай со своими 25 процентами. Ведь никакого соглашения перед началом поиска она не заключала.

По всей вероятности, исполнители очень гордились своей находчивостью. На самом деле Иваницкая произвела лишь разведку и показала наименьший из тайников. Обиженная, в России она больше не появлялась. И главная часть богатства, спрятанного Иваницким, продолжает бесхозно лежать в тайге.

...Голиков оборудовал себе кабинет на первом этаже. В соседних комнатах разместился штаб. На втором этаже были спальни.

И сразу начались заботы. В Чебаках открывался районный съезд Советов. С его трибуны должен был прозвучать ответ Соловьеву на ультиматум сельсоветчикам – сложить оружие.

Перед тем как разослать ультиматум, «император тайги» велел пристрелить одного председателя сельсовета. Второй по счету, он был убит на пороге своего дома.

После каждого такого убийства жизнь в селе надолго замирала: некому было собирать налог, проводить сходки, выписывать справки, выпрашивать в районе для потребиловки спички, гвозди, керосин и мануфактуру. Но поскольку деревня без председателя жить не могла, то по настоятельной просьбе односельчан отыскивались новые смельчаки.

Неделю назад в секретной оперативной сводке был приведен текст обязательства, которое дали жители одной деревни недавно избранному председателю: «В случае, ежели председатель сельсовета на службе будет убит или потеряет здоровье и не будет мочь себя прокормить, общество возьмет его семью и его самого на свое иждивение». Было перечислено, что и сколько будет собираться «миром» ежемесячно. Под бумагой подписались все жители села: у нового председателя было шестеро детей.

Человек, который садился на председательский стул и брал в руки председательскую печать, знал, что он в любой час может проститься с жизнью.

И когда в сельсоветы поступил ультиматум Соловьева, председатели решили объединиться и сообща дать отпор Соловьеву – не только каждый от себя, но и по наказу своих односельчан.

Ответственность за соблюдение порядка и безопасность участников съезда была возложена на Голикова. Его шифровка о том, что район к проведению съезда не готов, что для такого мероприятия Чебаки – место неудобное и даже опасное, во внимание принята не была. Съезду придавалось большое политическое значение. Возмущенный голос председателей должен был прозвучать из Чебаков, «из нутра», как говорилось в ответной шифровке, «бандитской империи». Соловьев должен был понять, что местное население не признает его власти.

Ожидались журналисты. Репортажи из Чебаков должны были остудить горячие головы на Западе, где кое-кто мечтал отделить Хакасию от Советской России. Предполагалось: если Соловьев лишится заграничной поддержки, то дальнейшее существование «горно-партизанского отряда» станет бессмысленным. В этом случае, возможно, «император тайги» пойдет на переговоры.

Единственное, в чем Ужур пошел навстречу Голикову, – прислал подкрепление.

Аркадий Петрович сам сидел над картой с маршрутами делегатов, сам отмечал в своем списке, кто уже прибыл в Чебаки, и селил всех в необъятном доме Иваницкого. Вопреки ожиданиям, по дороге в Чебаки ни с кем из делегатов не произошло никаких неприятностей. Раз-

ведсводки сообщали о непривычном затишье по всему району. И это затишье лишало Голикова покоя.

«Соловьев знает, для чего созывается съезд, – думал он. – Вряд ли «император» останется к нему безразличен. В таком случае он затевает что-то поновее и посерьезнее, чем завал на дороге или пулеметная очередь из зарослей. Соловьев любит сюрпризы, – подытоживал Голиков. – Скорей всего, он и теперь готовит обидную выходку, которая произведет сильное впечатление, либо диверсию, от которой пострадают сразу многие делегаты. Во всех случаях местом действия он изберет Чебаки».

Когда Голиков это понял, холодный пот выступил у него на лбу. Но времени на переживания и переговоры с Ужуром уже не оставалось. Теперь все зависело только от него самого.

Аркадий Петрович распорядился поставить круглосуточные посты возле колодцев, запретил делегатам есть где-либо, кроме столовой при штабе. В доме Иваницкого Голиков хотел провести и сам съезд, но тогда бы Соловьев догадался, что его опасаются. И местом проведения съезда осталась бывшая церковь, превращенная в клуб. Голиков приказал внимательно осмотреть в ней все углы и закоулки, после чего сам облазил церковь и не обнаружил ничего подозрительного. Но это его не успокоило.

Хотя Аркадий Петрович достоверно знал, что у Соловьева нет артиллерии, он все-таки разделил на участки окрестные леса и поручил четырем оперативным группам прочесать заросли: не стоит ли там какая-нибудь брошенная колчаковцами трехдюймовка?

Пользуясь тем, что Ужур прислал два дополнительных отряда, Голиков окружил Чебаки сплошным оцеплением. Ни один человек не мог незаметно войти или выйти из деревни.

Наконец, вечером, накануне открытия съезда, патрули обошли все дома. Бойцов сопровождали местные активисты. Односельчан они знали в лицо. Делегаты имели удостоверения. И ни одного постороннего выявлено не было. Об этом Мотыгин доложил Голикову.

– Спасибо, отдыхайте, – ответил Аркадий Петрович.

Безрезультатность проверки его не радовала, но тем не менее ему казалось, что он все учел.

А накануне открытия съезда из Ужура поступила шифровка: «Чебаки. Комбату Голикову. Совершенно секретно. Связи противоречивыми, но угрожающими сведениями продолжайте работу предотвращению возможной диверсии. Дошло непроверенное высказывание Соловьева: «Я покажу этому сосунку». Комсвводотряда шесть Кажурин».

Сначала шифровка разозлила Голикова: «Соловьев не принимает меня всерьез?» Потом рассмешила: командир сводного отряда без тени юмора продиктовал шифровальщику: «Я покажу этому сосунку». А напоследок телеграмма огорчила: «Ну что этот «император тайги» может придумать сверхъестественного? Уж не становимся ли мы нервными, как Касьянов?»

... Съезд открыли ровно в десять утра. К началу первого заседания не успели приехать только две делегации. Из улуса Сарала поступила телеграмма: «Началась загадочная болезнь скота, овцы отказываются есть и пить, сбиваются в кучи и блеют. Два десятка баранов уже подошли. Ветеринар не исключает заражения или отравления».

Голикову пришла на память телеграмма из Ужура: «... Для предотвращения возможной диверсии...» Не первая ли это ласточка?! Не первый ли это «привет» от «императора», который узнал, что в Чебаках возле колодцев расставлены часовые?

А делегация из станицы Форпост явилась, когда председатель уездного исполкома Николай Каташкин заканчивал доклад. Состояла делегация из трех человек.

В помещении бывшей церкви стоял полумрак. Еще при Колчаке во время боя тут выбили все окна. Их пришлось заделать фанерой. Керосиновые лампы давали скудное освещение. И делегаты от Форпоста в одинаковых башлыках, низко опустив головы, прошли на самый последний ряд, где имелись свободные скамейки.

Голиков, который ночью не спал, раздраженно подумал, что Форпост, конечно, селение не близкое, но многие делегаты успели приехать еще вчера.

Тут Каташкин объявил:

– О задачах борьбы с соловьевщиной нам расскажет комбат товарищ Голиков.

Аркадий Петрович подошел к трибуне. Никакого написанного доклада у него не было. Несколько четко выстроенных мыслей он просто держал в уме.

– Товарищи, – сказал Аркадий Петрович. – После того как в Тамбовской губернии было покончено с мятежом под руководством Антонова, ликвидация бандитизма в Ачинско-Минусинском районе становится задачей большой важности для всей страны. Из-за Соловьева уже два года район недодает хлеб и другие продукты. Из-за Соловьева уменьшилась добыча золота и доставка его в центр. А за золото мы покупаем у капиталистов недостающий нам хлеб и сельскохозяйственные машины, гвозди и станки для фабрик. Из-за Соловьева люди меньше сеют и меньше разводят скота. Не проводятся базары и местные праздники. Почти не играют свадеб. Мы располагаем сведениями, что Соловьев мечтает стать «самодержцем всехакасским». Но желает ли население Хакасии иметь нового государя – императора Ивана Первого? А если не желает, то во многих домах, я знаю, живут охотники. Бандиты должны помнить, что каждая изба может их встретить огнем.

– Пока вы Соловьеву не прищемите хвост, – выкрикнул с места делегат с крупной седой головой и крошечными черными усиками, – население за нами не пойдет. – И делегат решительно направился к трибуне.

– Слово товарищу Волошину, – объявил Каташкин.

Аркадий Петрович опустил на свой стул. Главное он сказал, и спор начался.

– Товарищу Голикову хорошо, – сказал Волошин, – когда он спит, его стережет часовой. (В зале засмеялись.) Товарищу Голикову хорошо еще и потому, что его собственный дом далеко. И за то, что он ловит бандитов, Соловей его дом не спалит.

– Я не собираюсь прятаться за спинами часовых, – обиделся Голиков.

– Я не говорю, что вы прячетесь. Мы знаем, как вы продирались через тайгу, чтобы догнать Родионова. Но я вам объясняю, почему нам трудно сказать человеку: «Увидишь бандита – стреляй».

Тут Голикову из зала прислали записку. Слушая Волошина, Аркадий Петрович машинально развернул ее, но читать не стал.

– Но ведь люди, которые хотят отсидеться, рискуют ничуть не меньше, – возразил он.

– Не скажите, – ответил Волошин. – Меньше. Иначе бы Соловей уже спалил все до одной деревни. Жалости к людям в нем нет.

Перепадка становилась бессмысленной. Голиков поднес записку, которую держал в руке, поближе к керосиновой лампе. «Товарищ Голиков, – прочитал он, – в зале, на последней лавке, сидит Иван Соловьев. Он приехал будто бы как форпостовский делегат. Но я форпостовского председателя знаю. И Соловьева знаю. Он жил до ареста у нас на Черном озере».

В груди у Голикова рванулось сердце, а рука с запиской вздрогнула, готовая выхватить маленький маузер. Еще мальчишкой Аркадий Петрович купил его на базаре и уже не расставался четвертый год. Голиков, не целясь, с пятидесяти шагов попадал из маузера в бутылку. И с возвышения отлично видел тех троих, что приехали позже всех.

Они действительно сидели в последнем ряду, словно по забывчивости не сбросив башлыки. Теперь становилось понятным, почему они прибыли позже других и не открывают своих лиц.

Голиков ощутил слабость от неминувости катастрофы, которую, вероятно, уже невозможно предотвратить. Ведь Соловьев проник сюда не для того, чтобы послушать выступления и вежливо уйти. Значит, он придумал одну из дьявольских хитростей, которых так опасался

Касьянов. И наверняка успел все подготовить, иначе бы не явился с риском быть узнанным, схваченным и расстрелянным.

Но когда, казалось бы, неподвластный воле страх сменился физическим ощущением близкой опасности, мысль Голикова заработала быстро и четко.

«Что же он мог задумать? – стремительно просчитывал Голиков варианты. – Обстрел церкви из орудия? Нет, раз он здесь, обстрела не будет. Взрыв? Тоже нет. Стрельбу из пулемета? Но пулемет, даже ручной, они пронести не могли. Откроют огонь из револьверов? По два револьвера у каждого. По семь патронов в барабане. Сорок два выстрела – это немало. Но разрядить наганы они все-таки не успеют. Люди в зале сидят не робкие. «Император» это понимает. Значит, это провальный вариант. А Соловьев не из тех, кто жертвует своей жизнью, лишь бы убить трех сельсоветчиков.

Таким образом, и стрельбы из наганов не будет. А будет вот что: они швырнут в зал по гранате. Три гранаты при таком скоплении народа – это двадцать или даже тридцать раненых и убитых. Они швырнут гранаты, бросятся на пол и в суматохе после взрыва побегут к выходу».

Голикову стало легче при мысли, что он, похоже, разгадал замысел Соловьева. Аркадий Петрович посмотрел на последний ряд. Кто из тех троих «император тайги», попятить было трудно. Все трое в башлыках, все трое в полушубках. Но один, который сидел с краю, был пошире в плечах и выглядел посолидней. Он? Нет, в материалах о Соловьеве говорилось, что «император» невелик ростом и могучим сложением не отличается.

Казалось невероятным, что знаменитый Иван Соловьев, который уже третий год будоражит громадный край, Соловьев, о палетах которого ежедневно докладывают шифровкой в Москву, Соловьев, которого не смогли ни поймать, ни одолеть многие бывалые командиры, преспокойно сидит в зале, где обсуждают, как с ним справиться. Быть может, в самом деле «пуля его не берет»? Иначе откуда такая убежденность в своей неуязвимости и неуловимости?

Аркадий Петрович не считал себя робким, но дерзость Соловьева поразила его. Однако это лишь прибавило Голикову решимости.

«У меня есть немного времени, – быстро думал он. – Соловьев бросит гранаты, вероятно, когда мы объявим перерыв, и он уже не сможет хранить инкогнито. Значит, какое-то время в запасе точно имеется, – успокоил он себя. – А теперь, если Соловьев что-то заподозрил, мой вид должен его убедить, будто я получил обычную записку».

И Голиков положил листок перед собой, притворясь, что слушает оратора. (Это был все тот же Волошин.)

А на самом деле незаметно вынул из кобуры свой маузер, оттянул затвор и опустил пистолет в карман галифе. Стол с красной скатертью скрыл его приготовления.

«Сейчас я подымусь, – стремительно продумывал он последовательность своих действий, – пройду в конец зала, будто бы затем, чтобы прибавить огня в лампе возле последней скамьи... Нет, не то. Соловьев окажется справа от меня, и я не смогу незаметно выхватить маузер... Тогда я подойду к кому-нибудь из предпоследнего ряда и спрошу: «Это вы Тимофеев? Это вам нездоровится?» Здесь возникнет небольшой переполох: «Это какой же Тимофеев? Откуда?» Тогда я выну маузер и ударю по троице на последней скамейке. Я надеюсь, что пистолет не даст осечки, как наган у Котовского».

Приняв решение, Голиков почти успокоился. В плане, который он придумал, Голикова устраивали простота и абсолютная надежность. Для ликвидации «форпостовских делегатов» Аркадий Петрович не нуждался в помощниках, а потому здесь могло быть наименьшее количество случайностей. План был хорош еще и тем, что ему, Голикову, предстояло в одиночку, лицом к лицу, покончить с «императором тайги». И он на миг представил, как вернется сначала в Ужур, а затем и в Москву: когда будет покончено с Соловьевым, ему тут просто нечего будет делать. Потеряв предводителя, «горно-партизанский отряд» рассыплется.

«А если председатель из Черного озера ошибся?.. Или, предположим, форпостовский председатель заболел и послал вместо себя другого делегата, случайно похожего на Соловьева? – У Голикова замерло сердце. – Или даже так: а если и записку прислал человек Соловьева?.. Что, если в этом и состоял замысел «императора»: задержать по дороге форпостовскую делегацию, навлечь на нее подозрение, тем более что Голиков еще мало кого знает в лицо, и создать инцидент?»

Голиков похолодел при мысли, что он чуть не подыграл Соловьеву. И Аркадий Петрович снова представил, как бы он выглядел сначала в Ужуре, а потом в Москве, если бы это случилось. И представил глаза Касьянова: «Я же тебя предупреждал: эта работа не для детей. Здесь свихивались и солидные люди».

«Ладно, ничего страшного пока не произошло. Если написавший записку обознался – это одно. А если те трое все же бандиты, то я теряю время. Нужно их задержать и опознать. Ждать перерыва некогда. Если на скамейке Соловьев, то гранаты могут полететь в любую минуту. Значит, нужно подготовить группу под видом еще одной опоздавшей делегации. Будем учиться у Соловьева на ходу. Но это потребует минимум четверти часа. А чтобы бандиты обождали швырять гранаты, приметив суету, их надо заинтриговать. Чем?! Я предложу обсудить письмо к Соловьеву и его людям».

Трое в башлыках продолжали неподвижно сидеть возле стены. Похоже, они старались не обращать на себя внимания.

«А где же настоящие форпостовские делегаты? – подумал Голиков. – Убиты?! Нет. Нужно думать, уведены в лес заложниками – на случай, если Соловьев и эти двое попадут к нам в плен. «Император» – человек предусмотрительный».

И еще мелькнуло: «Как же Соловьев про себя смеялся над нами, когда сюда, на съезд, его сопровождала наша охрана!»

Но эти мысли мешали Голикову, и он их оборвал. Пора было действовать. Первое – надо посвятить в план Каташкина. Человек он решительный, но смелость в нем сочетается с нервозностью. На такой должности хорошо бы иметь человека с более уравновешенным характером. Но где его возьмешь? А у Каташкина имелись свои преимущества: он родился в этих местах, сотни людей знал в лицо. Странно, что он не заметил подмены. Правда, в полумраке и башлыках можно не узнать и родного дядю.

Когда Голиков повернулся к председателю исполкома, тот сердито слушал хитренького мужика, который говорил: раз хлеб и другие продукты из-за бандитов возить опасно, то, пока не будет пойман Соловьев, со сдачей налога следует повременить.

– Мы тебя, Каблуков, – выкрикнул Каташкин, – пошлем завтра в Поволжье. И ты объяснишь там людям, у которых дети умирают с голоду, почему ты приехал к ним с пустыми руками...

Голиков наклонился к Каташкину:

– Прочтите записку. У меня есть мысли.

Каташкин рассеянно кивнул и, не спуская Глаз с выступающего, зажал в пальцах бумажку, но читать ее не стал, потому что мужик опять начал говорить: раз помирают детишки, хлеб надо поберечь, а потом...

Каташкин собирался было опять ему возразить, но взгляд его упал на развернутую записку.

– Товарищи!.. – громко и взволнованно произнес Каташкин.

Голиков обмер от сверкнувшей догадки, что председатель исполкома сейчас сделает. Он хотел Каташкина остановить...

– Товарищи, среди нас находится Соловьев!

Даже у Голикова от этих слов мурашки пробежали по спине. Но озноб в позвоночнике не уменьшил досады на глупость исполкомовского председателя.

– Гражданин Соловьев, – голос Каташкина зазвенел под сводами церкви, – я предлагаю вам...

Что собирался предложить Каташкин, осталось неизвестным.

...Восстанавливая последовательность событий, Аркадий Петрович помнил, что обратил внимание: трое в башлыках не вскочили с мест, будто слова Каташкина относились не к ним. И это смутило Голикова: «Ошибка?!» И он возблагодарил судьбу, что отказался от своего первоначального плана, когда могли пострадать невинные люди.

Эти впечатления и мысли вместились в первые короткие доли секунды, потому что в следующее мгновение, прежде чем остальные делегаты успели оглядеться и вскочить с мест, раздалось несколько револьверных выстрелов. Зазвенели стекла, и погасли керосиновые лампы. Последней звякнула и потухла яркая, двенадцатилинейная, с расписным фарфоровым резервуаром для керосина, что стояла на столе президиума. И стало абсолютно темно.

Голиков успел крикнуть: «Ложись!», ожидая, что в зал полетят гранаты. В крошечной тьме с гулким грохотом опрокинулись на каменный пол тяжелые скамейки. Кто-то охнул от боли, хлопнула дверь, послышалась возня.

– Никого не выпускать! – снова крикнул Голиков.

Опять началась стрельба. Он отскочил в нишу возле стола и выхватил маузер. Что делать дальше, Голиков попросту не знал. Выстрелы оборвались. Возня продолжалась. Стоило чиркнуть спичкой, как бандиты снова могли открыть стрельбу. Кроме того, кругом был разлит керосин. Но держать людей в напряжении, в полной темноте тоже было нельзя.

– Товарищ Голиков, мы этих бандюк схватили, – раздался во мраке напряженный голос, будто человек взвалил на себя большую тяжесть.

Вспыхнул огонек спички, колебнулось пламя керосиновой лампы. Люди поднялись с каменных плит.

– Делегаты остаются на местах! – распорядился Голиков. – Арестованных – к выходу.

С пола возле трибуны встал Каташкин. В руке он держал наган. Аркадий Петрович хотел ему крикнуть: «Какого черта!..» – но это уже не имело смысла.

Из дальнего конца зала к председательскому столу вели двоих в откинутых башлыках. Это были молодые парни. Одному, длиннолицему, было двадцать два – двадцать три года. Другой, молодой хакас с реденькой бородкой, был еще моложе.

– Где третий?! – встревоженно спросил Голиков. – Где Соловьев?

– Там потайная дверца есть, – ответил человек лот пятидесяти, который крепко держал руки длиннолицего, завернутые за спину. – Он через эту дверцу ушел. Там наши мужики за ним побегли.

– Как через потайную дверь? – не поверил Голиков.

Готовя помещение к проведению съезда, Аркадий Петрович приказал забить эту дверь за бывшим иконостасом досками.

И вот она оказалась открытой. Соловьев знал, что доски будут оторваны. Кто их отодрал? Кто из людей, помогавших готовить помещение бывшей церкви, работает на Соловьева?

...Каташкин, не решаясь смотреть Голикову в глаза, объявил перерыв. Трое председателей, которые кинулись за Соловьевым через потайную дверь, его просто не нашли. Он не убежал, не умчался верхом – он куда-то юркнул. Голиков приказал осмотреть и обыскать все близлежащие дома и сараи, овчарни и конюшни. «Император тайги» словно растаял.

Голиков отправился к себе в кабинет и распорядился привести к нему арестованных.

Длиннолицый был родом из Саратова, окончил юнкерское училище, имел чин поручика. Еще в училище увлекся стрельбой, брал призы на состязаниях. Считалось, что к стрельбе у него особый дар. А молодой хакас – он плохо говорил по-русски – был сыном охотника.

Когда же они попали в «горно-партизанский отряд» и Соловьев узнал, что эти двое свободно владеют любым огнестрельным оружием, он велел их поселить под охраной на забро-

шенной усадьбе лесника. Стрелков до отвала кормили, ежедневно давали водку. В подполе дома, где они поселились, был устроен тир – там они ежедневно упражнялись в стрельбе.

Педелею назад им начали ставить всего лишь по стакану самогона в обед и на ужин. Зато вместо пятнадцати револьверных патронов для стрельбы по мишеням им выдавали уже по двадцать пять штук в день.

– Два дня назад к нам в берлогу припожаловал сам Соловьев, – с кривоватой улыбкой на вытянутом лице рассказывал поручик. – Привез бутылку «Смирновской» и после ужина сказал, что есть работа: нужно попасть на важное собрание и погасить выстрелами лампы, но чтобы ни одного человека не задеть!

«Как мы пройдем на собрание, – сказал Соловьев, – моя забота. Вы гасите выстрелами лампы и бегите обратно к двери, через которую мы войдем. Там будут стоять верные люди. Они сначала нас пропустят, а затем выпустят и задержат остальных».

О потайной двери стрелки ничего не знали. Они кинулись к выходу, отвлекли на себя внимание... Успешность плана обеспечивалась прежде всего тем, что Соловьев хладнокровно обрек на заклятие этих молодых парней.

О банде пленные ничего сообщить не могли. Соловьев не случайно поселил их отдельно.

Парней увели. Голиков стал ходить по кабинету. Еще час назад он, Голиков, сидел под одной крышей с Соловьевым. Если бы Каташкин не допустил нелепости, был шанс поймать «императора тайги». Теперь Голиков понимал, что шанс был невелик. Соловьев предусмотрел многое и, если бы заподозрил, что замысел его раскрыт, начал бы палить по залу.

Но кто помог Соловьеву произвести замену делегации?.. Кто открыл забитый досками потайной ход?..

Если Соловьев желал произвести сильное впечатление, то он достиг своего. Отчаянная смелость «императора тайги», который явился на съезд, и не менее ловкий его уход взбудоражили умы. Было замечено и то, что в перестрелке не пострадал ни один человек. Если бы Соловьев бросил в зал дюжину лимонок, эффект был бы меньший.

А пока что съезд был сорван. Писать о нем в газетах не имело смысла. Судьба настоящих форпостовских делегатов оставалась невыясненной – они пропали. Начальник группы сопровождения, который привез Соловьева и двух стрелков, дал показания: поскольку они уже опаздывали, сани с делегатами ждали их у самого въезда в станицу. Был допрошен и Каташкин. Он признался, что поступил нелепо от сильного волнения. В партии его оставили, но с должности сняли.

Делегаты, не приняв никакого решения, разъехались по домам. И добрались благополучно. Об этом позаботился не только Голиков, но и Соловьев.

* * *

Из рапорта комбата А. П. Голикова:

...То, что среди населения создаются чуть ли не легендарные представления о неуловимости банды и ее вожаков, имеет серьезное основание.*

Начальник боевого района

12 апреля нарочный доставил из Ужура пакет. В нем сообщалось: по приказу командующего ЧОНа губернии весь Ачинско-Минусинский участок разделяется на три боевых района. Начальником 2-го назначен комбат А. П. Голиков.

Граница 2-го боерайона проходила к западу от Енисея, к югу от рек Черный Июс и Чулым до реки Большой Улень. С юга участок отгораживала река Большая Тея. Голиков подсчитал: территория боерайона охватывала более 10 тысяч квадратных километров. Аркадий Петрович получил право самостоятельно принимать любые тактические решения.

Тем же приказом ему предписывалось: «Со штабом батальона в составе 40 человек, одним пулеметом и четырьмя пулеметчиками перейти в свой район и подчинить себе все расположенные на его территории отряды»*.

Голиков решил посетить места, где находились подразделения его батальона. Самым близким оказался курорт Шира.

Вместе с Аркадием Петровичем и его охраной на курорт Шира ехал немолодой доктор Иван Семенович, в шляпе, с двумя саквояжами, притороченными к седлу вместо переметных сум. Несмотря на солидный возраст, доктор привычно и легко чувствовал себя в седле и всю дорогу развлекал Голикова рассказами.

– У курорта Шира, куда мы с вами направляемся, – говорил доктор, – любопытная история. Открыли его шаманы. Если человека сваливала болезнь, шаманы били в бубны, бормотали молитвы, изгоняя злых духов, поили отварами и настоями из трав. Когда больному становилось лучше, они посылали его купаться в озеро Шира и пить воду из местных источников. Многие после такого лечения совершенно исцелялись. Со временем источники прослыли чудодейственными.

– Я не жалею и наших попов, – заметил Голиков, – а шаманов тем более.

– За четверть века я пригляделся к ним, – ответил доктор. – Шаманы – явление сложное. С точки зрения европейского врача, шаман выглядит человеком невежественным. Скажем, он редко моет руки, не имеет представления о микробиологии, но успешно лечит корь, скарлатину, желтуху и даже оспу. Шаманы ближе к природе, нежели мы, врачи с дипломами. Они искусно сращивают переломы, помогают при сотрясении мозга, знают растения, которые излечивают болезни желудка, печени, почек. У них свое представление о лечебном питании. Я бы сказал, шаманы являются хранителями народного опыта. Не владей они такими познаниями, к ним бы никто не стал обращаться: ведь за лечение надо платить. Конечно, свои секреты шаманы оберегают. Есть среди них люди корыстные и жадные, а есть очень добросовестные, но за то, что шаманы открыли лечебные свойства здешних источников, большое им спасибо.

Первые лечебницы здесь построил золотопромышленник Цыбульский. По контракту – за три рубля! – он взял в аренду озеро на 24 года. Поставил несколько юрт для приезжих и позволил за плату делать это другим. Позднее озеро у него было отобрано. Появились теперешние постройки. Здешняя соль по цене восемь рублей за пуд успешно конкурировала со знаменитой карлсбадской. Местное население запасалось солью из озера на случай многих болезней.

В 1920 году курорт Шира был национализирован. 19 февраля 1921 года на него совершил налет отряд полковника Олиферова – более двухсот человек. Они забрали продукты, медикаменты и деньги, собирались пройти в Монголию, но через два дня были разбиты. А 5 октября прошлого года налет совершил сам Соловьев.

...Гарнизон курорта Шира был невелик – 36 человек. Рапорт отдавал низкорослый, плечистый командир с франтоватыми усиками, по-цыгански свободно сидевший в седле. Лихо отсалютовав саблей, он закончил рапорт: «Командир взвода Никитин».

Фамилия «Никитин» ничего Голикову не сказала, но он мог поручиться, что где-то со взводным встречался. Когда командиры спешили и пожали руки, Голиков спросил:

– Товарищ Никитин, а вы случайно не бывали в Арзамасе?

– Очень даже бывал, – ответил комзвода, хитро, со значением улыбаясь. – Мы там стояли с эшелонем по дороге на Восточный фронт.

– Пашка?! Цыганок! – не поверил Голиков.

– А вы... – растерялся вдруг Никитин. – Аркадий?!

Они кинулись друг к другу.

Голиков был выше Пашки. И он оторвал Пашку от земли, и тот смешно болтал в воздухе ногами. Внезапно вспомнив, что они среди бойцов, друзья разомкнули объятия, быстро привели себя в порядок, и Пашка объяснил присутствующим:

– Мы встречались еще мальчишками. Мне уже было шестнадцать, а товарищу Голикову – только четырнадцать.

– Но Павел уже служил в разведоте, – добавил Голиков.

– И я решил помочь Аркадию, то есть товарищу Голикову, поступить в наш отряд. И повел к комиссару. Так, мол, и так, хороший парнишка. Надо бы зачислить в отряд. Комиссар Гладильщиков согласился и велел поставить на довольствие. И мы побежали получать обмундирование. А Гладильщиков возьми и крикни вдогонку: «А лет тебе, Аркаша, сколько?» И Аркадий на радостях: «Четырнадцать». Гладильщиков оторопел и говорит: «Тогда сначала, брат, подрасти». Вот он и вырос – ив длину, и по должности. А мне Гладильщиков этого не велел...

Все посмеялись. Голиков тепло простился с доктором. Поздно вечером Никитин повел Голикова к себе.

Павел был обрадован встречей со старым товарищем и в то же время расстроен.

– Видишь, и командиром полка ты уже был, и сейчас тебе дали боевой район, – сказал Павел, – а я только взводный.

– Что ты грустишь? Тебе двадцать лет. Просись учиться.

– Думаешь, не просился? Но у нас в разведке знаешь как: если задание потруднее – нужно внедриться в банду или держать связь с человеком, который в банде, – так Пашка. А как на учебу, то посылают других. Я уже просился и в школу ГПУ, и в летную, и в химическую. А мне: «Без тебя, товарищ Никитин, революция в настоящий момент обойтись не может».

– Не грусти, Цыганок, поймаем Соловья – помогу тебе с учебой. Я часто тебя вспоминал. Ты мне вроде крестного отца. После знакомства с тобой у меня все и началось: стал адъютантом, потом послали на командные курсы... Только теперь все чаще жалею, что я не рядовой. – И он рассказал, как его беспрерывно дурачат Родионов и Соловьев.

– Да, я уже слышал, – печально сказал Павел. – Касьянов дал маху, что не создал агентуры. Он был армейский человек. В атаку – пожалуйста, а работы агентурной не знал. И не любил. А тебе без своей разведки никак нельзя. Я б тебе ее наладил, только ты в Чебаках...

– Товарищ Никитин, назначаю вас заведующим разведкой второго боевого района, – с шутиливой торжественностью объявил Голиков.

– А что скажет Ужур?

– Цыганок, в пределах района мои полномочия не ограничены...

Два никелированных шарика

Штаб боевого района Голиков перевел в станицу Форпост (она еще называлась Соленоозерная). Лет двести назад 105 донских казаков прибыли сюда из Красноярска охранять Солёное озеро, где добывали соль. Они-то и основали Форпост.

Под штаб Аркадий Петрович арендовал дом Буданцева (у хозяина была еще одна изба). В служебном кабинете Голиков поначалу и спал, придумав одну хитрость. Складную деревянную койку он велел поставить справа от входа, рядом с письменным столом. А поздно вечером, задернув шторы и закрыв на ключ дверь, перетаскивал ее за дубовый книжный шкаф. Утром койка возвращалась на место.

Когда в Форпосте появился Цыганок, он иронически улыбнулся по этому поводу:

– Касьянов последнее время тоже всего боялся.

– Оставь Касьянова в покое. Нашим командирам, включая красноярское руководство, последнее время не хватало одного пустяка.

– Какого?

– Головы. Соловьев все время что-то придумывает. А мы сидим и ждем: «Что же «император тайги» еще выкинет?» А я посмотрел документы. Два председателя сельсовета были убиты выстрелами через окно. Так же в прошлом месяце был застрелен участковый милиционер, когда он составлял протокол в доме пострадавшего. Урок меткой стрельбы Соловьев нам преподнес и в Чебаках. Он хочет, чтобы люди не знали покоя даже у себя дома. Он ведет «психологическую войну».

– А чего ты добьешься, перетаскивая койку?..

– Соловьев уже гонял меня по тайге, потом звал к себе договориться, потом показал отчаянную храбрость, заявившись на съезд. Он надеется, что у меня тоже начнут трястись руки. Когда же он поймет, что я не из робких, думаю, он попытается меня убрать. И тут я сам иду ему навстречу. Застрелить меня днем сложно – возле штаба все время люди. А вечером – только часовой. Вот я и ставлю ему мишень. В кабинете у меня бывает народ. Где стоит койка, Соловьев и его начальник разведки Астанаев уже знают. Поглядим, кто прав – ты или я.

– Нужно просто на ночь закрывать ставни.

– Если мы начнем закрывать ставни, Соловьев догадается, что мы боимся ночного выстрела. И придумает что-нибудь посерьезнее, чем подослать охотника с винчестером.

– Усложняешь ты все, Аркаша.

– Очень жить хочется, Цыганок.

– Вот же Касьянова он убивать не стал.

– Не было нужды. Касьянов и так хватался за наган при каждом шорохе.

...Неделю спустя глубокой ночью возле штаба ударили два гулких выстрела. Хотя ставни в кабинете Голикова были закрыты (об этом распорядился Никитин), две тяжелые пули, пробив ставни и стекло, вошли в стенку в том самом месте, где койка стояла днем.

Стрелка не нашли. Только утром, когда рассвело, за соседским забором обнаружили берданку с раздувшимися стволами. В патроны был заложен по меньшей мере двойной заряд пороха.

Расстроенный Пашка, ведя расследование, был озабочен тем, что пули не застряли в ставнях и глубоко вошли в деревянную перегородку. Он их выковырял финским ножом. Это оказались два никелированных шарика, отвинченных от железной кровати. Их зарядили в ружье вместо жаканов.

С этими шариками в кармане Цыганок обошел все дома в Форпосте и соседних деревнях. Он надеялся найти кровать, от которой они были отвинчены. Не нашел.

А Голиков вечером того же дня, сидя у себя в кабинете, думал о том, что чудом спасся в Арзамасе, когда возле Стригулинских номеров его ударили ножом в грудь, и в другой раз, когда под Конотопом сорвалось крушение курсантского поезда, и когда под ногами его коня – это уже происходило на Тамбовщине – взорвалась самодельная бомба-чугунок. Для восемнадцати прожитых лет таких счастливых случаев накопилось немало. Сколько раз ему еще будет везти? Хотя нынешней ночью его спасло не слепое везение. Его спасли предвидение и расчет.

После покушения Аркадий Петрович устроил в сарае возле штаба тир. Каждое утро он заходил сюда и делал по несколько выстрелов, пока не убедился, что одинаково уверенно попадает в мишени с правой и с левой руки.

Новоселье

Никитин снял Голикову квартиру напротив штаба в доме Аграфены Кожуховской.

Аграфене было лет тридцать пять. При большой физической силе она оставалась изящной и тонкой, но умное, доброе лицо ее было некрасивым.

Муж ее, личность довольно темная, промышлял спекуляцией, намывал в соседнем озере соль, развозил ее по дальним деревням и продавал стаканами. Торговля шла бойко, и потому дома он подолгу не появлялся, однако с бандой, по наведенным справкам, дел не имел. Детей у них не было. Жизнь Аграфены текла уныло и одиноко, поэтому квартиранту она обрадовалась и обещала Никитину, что будет кормить Голикова и стирать ему белье.

Аркадий Петрович перенес из штаба свой чемодан. Хозяйка провела его в комнату, самую просторную в доме. Здесь было три окна – одно сбоку, два по фронту. Меж окон стояли лавка, стол и две табуретки. Справа от стола была дверь в среднюю комнату. На эту же сторону выходила половина русской печки с лежанкой. Топилась печь из кухни-прихожей. А у левой стены громоздились широченная кровать с горой подушек и самодельный шкаф.

Голиков сразу подметил, что кровать хорошо просматривается из окон.

– Вы не будете возражать, если я поменяю кровать и шкаф местами? – спросил он хозяйку.

– Как вам будет удобно.

К обеду весь Форпост уже знал, что Голиков снял квартиру у Кожуховской и переставил мебель, потому что боится выстрелов из окна. Аркадия Петровича такая осведомленность устраивала, потому что спать он собирался не на кровати, а на печке, где толстая кирпичная кладка надежно прикрывала его от любых жаканов и никелированных шариков.

Когда Голиков поздно вечером вернулся из штаба, хозяйка сидела с шитьем и ждала его к ужину.

– Как же вас звать? – спросила она, ставя глубокую миску с горячими щами.

– Аркадий Петрович.

– А можно, без людей я буду вас звать просто Аркаша? У меня мог быть такой сын, как вы.

– Конечно.

– А устал ты, наверно, Аркаша, от солдатской службы? Домой небось хочется?

– Устал. Только дома у меня вроде как нет, – с печалью признался он. – Мать в Киргизии. Отец в Иркутске. В Арзамасе, где мы жили, теперь только сестры с теткой. И я уж подумываю: если разобьем Соловьева, не останется ли мне в Сибири. Нравятся мне здесь и реки с тайменем и хариусом, и тайга, где чего только не растет. И горы...

– Ну, коли тебе все так нравится, – засмеялась Аграфена, – чего долго ждать? Иди к Соловьеву в друзья да и живи с ним в горах.

Голиков насторожился, внимательно посмотрел на хозяйку, но, заметив насмешливые огоньки в ее зрачках, ответил:

– А что? Пожалуй, выкопаю себе, как Соловьев, норку и буду, словно граф, жить-погуливать.

После ужина, когда Голиков остался один, он придвинул поближе керосиновую лампу, вынул из полевой сумки тетрадь, купленную на базаре в Ужуре, и записал: «Переехал в Форпост». И отдельно, в рамке: «Помнить 23 августа 1919 г.».

Тогда под Киевом они с Яшкой Оксюзом не проверили под утро посты, и это чуть не привело к гибели целой полуроты.

...Закрыв дверь на крючок, поскрипев кроватью, будто он не мог на ней устроиться, Голиков тихонько встал, прихватил подушку, одеяло, забрался на теплую лежанку и мгновенно заснул. А часа через два, словно от толчка, проснулся, спрыгнул с печи, не зажигая света,

оделся, защелкнул на себе ремень с кобурой и приоткрыл дверь из комнаты. Она скрипнула. Хозяйка сразу проснулась, выбежала из своей спальни.

– Батюшка Аркадий Петрович, куда ты? – всполошилась она. – Или тебе плохо спалось в моем доме? Я принесу еще перину.

– Не беспокойтесь, Аграфена Александровна. Спалось хорошо. Мне нужно сходить по делу.

– Еще ночь. Ты и дорог наших не знаешь. Отдохни. Скоро будет светать.

– Я быстро вернусь, – ответил он, отодвинул засов и вышел в ночь.

Голиков постоял возле крыльца, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте. Он не говорил об этом даже Паше, но с той минуты, как возле многолавки таинственно исчезло письмо к Соловьеву, его, начальника 2-го боевого района, не оставляло ощущение, что «император тайги» неотлучно находится рядом. Грустно посмеиваясь над собой, Аркадий Петрович все чаще сравнивал себя с Касьяновым, но разницу видел в том, что Соловьева он теперь искал сам.

Стараясь ступать как можно тише, с пятки на носочек, Голиков вышел со двора на улицу и направился вдоль домов, чтобы подойти к штабу со стороны огородов.

Бесшумному индейскому шагу Голиков выучился в детстве, начитавшись Майн Рида и Купера. Как и многое, это пригодилось на войне. Он шел по обледеневшему за ночь снегу. Все кругом спало. Окна многих домов были закрыты ставнями, будто люди нарочно не хотели ничего видеть и во что-либо вмешиваться. Соловьев не только пугал и обирал – он еще и разобщал.

Метрах в двадцати от штаба, ковыляя по огороду, Голиков подвернул ногу и чертыхнулся.

– Стой! Буду стрелять! Кто такие? – раздался окрик.

– Голиков, – негромко ответил Аркадий Петрович, раздосадованный своей неловкостью, но довольный тем, что часовой не спал.

Часовым стоял Сучков, худенький парнишка из недавнего пополнения.

– Объявляю благодарность за хорошее несение службы, – тихим голосом сказал Голиков. – Что слышно?

– Собаки лают. Больше ничего, товарищ командир.

– Наступают самые трудные часы – перед рассветом. Не засните.

– Что вы, товарищ командир!

По докладам трех остальных караульных за время дежурства ничего подозрительного не произошло. Голикова это не успокоило, а насторожило. То была древняя, примитивная, но часто удававшаяся хитрость, когда противник затаивался, притворяясь, будто его поблизости нет.

Ночь была безлунной. Подсвечивал, поблескивая, весенний грязноватый снег. Голиков вышел на окраину села, забрался на невысокий Казачий холм. Увидеть с него можно было немного. Зато было замечательно слышно. Сидя на прошлогодней траве, которая проступила из-под растаявшего днем снега, Голиков начал различать осмысленные звуки.

Заскрипела дверь. Донеслось шумное шевеление, разом застучало множество твердых копыт – проснулось напуганное овечье стадо. Зло залаяла собака и тут же умолкла.

Голиков замер. Человек, разбудивший собаку, мог быть знакомым, а то и просто своим. Что, если пса отравили? Нет, наверное, он успел бы скулянуть.

Голиков вслушивался во все это и запоминал, чтобы завтра уже отделять привычные звуки от новых, нечаянных. И еще он с грустью подумал, что находится в глухой обороне и полностью зависим от того, что изобретет Соловьев.

Неожиданность

По обыкновению, ровно в полдень Голиков пришел домой.

– Обед готов? – с порога спросил он.

– Давно все готово, чтобы вас, Аркадий Петрович, не задерживать, – ответила Аграфена.

Она говорила ему «вы», если была чем-нибудь недовольна. Сейчас ее обидел сам вопрос. Еще не было случая, чтобы она вовремя не накормила квартиранта. На столе уже стояли соленый хариус, кислая капуста, клюква в мисочке. Пока Аркадий Петрович пробовал рыбу, Аграфена принесла щи в чугушке. Голиков съел две тарелки. Аграфена вышла на кухню и вернулась с большой сковородой котлет и жареной картошкой. Голиков, продолжая думать о чем-то своем, съел все котлеты. И только тут спохватился:

– Чего это я? Вроде и есть не хотел.

– Батюшка ты мой Аркадий Петрович, – всплеснула руками Аграфена, – ты ведь, как бычок мой Миша, целый день ходишь. Кушай на здоровье. Я еще сковороду пожарю. Мяса много. (Голиков ничего не ответил.) Да что с тобой сегодня? Письмо плохое из дома получил? Или по службе неприятности?

– Да нет. Про Соловьева все думаю. Понять бы, что он за человек!

– Да ничего в нем, Аркаша, особенного нет, – ответила Аграфена, составляя грязную посуду. – Росту он пониже твоего. Волосом потемней. И в плечах не больно широк. А сила в нем медвежья. Бывало, в охалку сгребет...

– Кто сгребет?!

– Здравсте. Ты же про Ивана спрашиваешь?

– А ты его откуда знаешь?

– Что с тобой, Аркаша? Да вон его избушка на одном боку стоит. В школе мы с ним за одной партой сидели. А когда подросли, он ухаживал за мной. Так-то ничего, хороший парень был. Семья большая, жили небогато. С чего он в бандиты подался, до сих пор не пойму. Кабы его на Черном озере не арестовали и не повезли неизвестно зачем в Ачинск, он в тайгу, может, только шишковать и ходил бы. – И Аграфена понесла тарелки в кухню.

«Как же я мог позабыть, – ошеломленно думал Голиков, – что Соловьев жил в Форпосте?!»

Аркадий Петрович поднялся и тоже вышел в кухню.

– Ты что, влюблена в него была? – подозрительно спросил он, останавливаясь на пороге.

– Не только влюблена – я с ним чуть было не обвенчалась. Арестуешь меня за это? Тоже отправишь в Ачинск? – с вызовом спросила она и плеснула горячую воду из чугушка в таз.

Но ехидное замечание Голиков пропустил мимо ушей.

– А чего ты не пошла за него замуж? Или он тебя не любил?

– Почему?! – обиделась Аграфена. – Любил. Я хоть и не красивая, а в девках отчаянная была. Кому хочешь голову задурить могла. А поломалось всё из-за моей глупости. Поссорились мы, я и крикнула: «Чтобы ноги твоей в моем доме не было!»

Думала – через день-другой прибежит, куда денется. Знал ведь, что я его люблю, и сам любил. А он взял да назло мне и женился.

– Жалеешь?

– Жизнь свою несчастную жалею, – ответила Аграфена, замешивая в кадушке тесто, чтобы испечь утром хлеб. – И за красавца своего вышла потому, как было все равно за кого... И Ваньку при этом ждала. Думала, прискачет, прыгну к нему в возок в чем стою – и хоть на край света!

А встретились уже после войны, когда ваши его отпустили. Смотрю: вроде Ванька мой, а глаза жесткие, чужие. Напомнила, как гуляли, как целовал он меня, какие слова говорил. Он глазами одними усмехнулся. То ли моей глупости, то ли нашей с ним общей.

Я и тогда еще была готова к нему в возок. А уж когда он сделался разбойником, помолилась Богу, что я не с ним, хотя со мной он, может, и не стал бы таким.

– А ты ведь и сейчас его любишь, Аграфена.

– Люблю. Только того, прежнего. Потому как в моей жизни больше ничего хорошего не было. А теперешнего ненавижу! – Она всхлипнула, быстро прошла к себе в комнату и грохнула дверь.

Через полчаса, когда Голиков уже надел шинель и стоял в дверях, появилась Аграфена. Лицо ее было хмуро, но спокойно.

– Ты, Аркаша, вечером на службе не задерживайся. В гости пойдём.

– Это к кому же? – Его здесь в гости никто не приглашал.

– К Анфисе Фирсовой. Подружке моей.

– А я-то здесь при чем?

Аграфена помолчала и произнесла очень тихо:

– Она долго у Ивана гостевала. Порасспросишь ее кой о чем, чего тебе надо.

Голикову от внезапного волнения сдавило горло.

Анфиса

Анфиса их ждала. В зале был накрыт стол: соленые грибы, соленая рыба, холодная медвежати́на, взбитое масло кедрового ореха, похожее на сливочное, источавшее тонкий запах кедровой смолы, творог и мед в мисках.

– Анфисушка, знакомься, мой квартирант, – сказала Аграфена. – Зовут Аркадий Петрович.

– Очень рада. – Анфиса протянула свою ладошку лодочкой.

Ей было года двадцать два. Что сблизило их с Аграфеной? Анфиса была красива и знала это. Волосы не прятала под платком, а носила туго заплетенным венчиком. Голиков сразу вспомнил: как мама. И что-то теплое шевельнулось в груди. У Анфисы было раздурманенное от волнения и хлопот лицо, которое вдобавок оживляли веселые, темные, полные ожидания глаза. Это ожидание делало взгляд таинственным и глубоким.

– Прощу прямо к столу, – радостным, певучим голосом заговорила она, – а то в печи уже все перепрело.

Голиков оказался меж двух дам. И Анфиса шаловливо-капризным голосом спросила:

– Груня, а гость наш не рассердится, если я принесу графинчик? Я его на холод, на лед поставила.

– Непьющий у меня квартирант, – с иронически важным видом пояснила Аграфена. – И на сестру нашу не глядит.

– Ежели они непьющие и вдобавок не замечают нашу сестру, – ответила Анфиса, – то с них за квартиру нужно брать вдвое. – И, не выдержав, прыснула.

– За что вдвое, – притворно обиделся Голиков, – если на посиделки Аграфена не ходит и меня не зовет. А сам я стесняюсь, что прогонят.

– В таком случае я вас, Аркадий Петрович, приглашаю в субботу. А теперь, пожалуйста, кушайте.

Голиков положил всего понемногу на тарелки Анфисе и Аграфене, потом взял себе. Женщины удивленно посмотрели друг на друга: такое им было в диковинку.

Минут десять за столом царил молчание, прерываемое похвалами хозяйке и предложениями положить еще. Наконец Аграфена сказала:

– Анфисушка, мы пришли к тебе по важному делу.

Румянец хозяйки мгновенно пропал.

– По какому? – робко спросила она.

– Аркадий Петрович интересуется Иваном.

Анфиса сделалась еще бледней. Голикову показалось: в доли секунды она постарела.

– Нечего мне рассказывать! – зло ответила Анфиса.

– Расскажи, как ты попала в лес и что там видела.

– Не буду. Что было, то мое... – Она стремительно поднялась и выбежала на кухню.

А возвратилась опять собранная, опять молодая, только в зрачках уже не мелькали смешинки. Она несла блюдо с тушеной бараниной.

Но всем уже было не до еды. Гости и хозяйка нехотя, в полном молчании съели по куску мяса с брусникой и картошкой. Готовить Анфиса была мастерица.

Отодвинув пустую тарелку, Аграфена сказала:

– Ты не гляди, что Аркаша такой молодой. Он старается за нас изо всех сил. А мы прячемся по углам.

– Ты бы ему и рассказала про Ивана, – обрезала ее Анфиса. – Кому его и знать, как не тебе.

– Я любила другого Ивана. Тот еще не был душегубом.

– Анфиса, мне правда нужна помощь, – сказал Голиков. – Можете – помогите. А разговор наш останется в тайне.

Анфиса вытерла кружевным платочком глаза, уперлась большими, сильными ладонями в край стола, точно она сидела в лодке, а кто-то пытался вытолкнуть ее за борт, и повернулась к Голикову. В ее красивом лице, в серых глазах появились такая решимость и ненависть, что Голиков невольно вздрогнул.

– Никому этого не рассказывала. И вам не собиралась. Очень вы мне нравитесь... Думала: «Закручу любовь с хорошим парнем. Что мне до того, что он большой начальник?» Но коль скоро вам не любовь моя нужна, пусть хоть мое несчастье вам пригодится. Может, за это когда меня вспомните. – Анфиса прикрыла глаза рукой с батистовым платком, потом отняла его. Теперь лицо ее ровным счетом ничего не выражало, кроме душевной усталости. – Отправилась я за грибами с подругой... – начала Анфиса, глядя мимо гостей.

– С кем? – перебила Аграфена.

– Ты ее не знаешь. Наташей звали. Учителка. Познакомилась с ней в Ужуре. Она приехала из голодной Самары. Без денег. Что смогла – распродала. Зазвала я ее к себе. Обещала: «Прокормимся. И учительки нам нужны...»

Анфиса подняла глаза. Они были полны слез, и в них была мольба, чтобы ей позволили остановиться. Но гости ждали.

– Мы шли уже обратно, когда нас окружили мужики на лошадях. Были они с ружьями, и дух шел от них такой, будто они с рождения не мылись в бане.

То ли от страха, то ли от этого звериного запаха стало мне дурно. Я крикнула: «Наташка, кидай грибы – бежим!..»

Мужики с прибаутками нас нагнали. Ох и поиздевались же они! Особенно досталось Наташке. Очень им нравилось, что она городская и что даже кричала она от боли и ненависти по-городскому. А потом повезли меня с ней в штаб к Соловьеву, словно мы шпионки.

– Вы помните дорогу? – Сумеете показать?

– Ничего я не запомнила. Нас перекинули через седла, будто кули с мукой. Когда я так ехала – без мыслей, без сил, – я только думала: еще минута, и я проснусь, потому что в жизни такое случиться не может. А когда поняла, что может, захотела умереть. И не сумела. А Наташенька сумела... Вы, Аркаша, извините, я схожу за графинчиком.

Анфиса опять вышла и вернулась с вином, поставила три рюмки, налила их доверху.

– За приятное знакомство, – горько усмехнулась она и выпила свою.

Аграфена пригубила, а Голиков пить не стал. Анфиса закусила беленьким целым грибочком.

– Долго вы пробыли в лагере Соловьева? – спросил Голиков.

– Четыре месяца. Мне повезло, меня оставили при штабе. Тут народ был почище, поблагородней. А то могли послать в лагерь, где один сброд и головорезы.

– Как же вы от Соловьева ушли?

– Иван Николаевич меня отпустил.

– За что?! – спросила Аграфена.

– Этого говорить я не стану.

Голиков увидел в глубине глаз Анфисы страх. Она себе налила еще рюмку и, не чокаясь, выпила.

– Если у тебя что с Иваном было, говори, – опустив низко голову, произнесла Аграфена.

– Успокойся. Не было ничего. Он мне даже попенял: «Что же ты, Анфисушка, не объявила моим охальникам, что мы с тобой из одного села? Коли б они знали, не обидели б». А мне от ужаса и в голову это не пришло.

– За что тебя Иван отпустил? – уже смелей повторила Аграфена.

– Не хочу говорить.

– Анфиса, я не смею настаивать, – вмешался Голиков, – но для меня важна любая подробность. И ни одно слово я не использую во вред вам.

– Я вам верю, – ответила Анфиса. – Я не могла там больше оставаться. Два раза убегала, но я не знала дороги, и меня ловили.

– Что же твой земляк сразу тебя не отпустил? – настороженно спросила Аграфена.

– Астанайка не позволил. А его сам Иван Николаевич боится. И потом, таких, как я, живьем из леса не выпускали. – Анфиса опять налила себе и выпила. – Время от времени Астанаев убивал «лишних» женщин. Убивал и с детьми. Он любил убивать. Поэтому его так боялись. Для него убить человека – что другому надкусить пирожок. Я понимала, что близится мой черед, и... откупились.

– Чем?! – не выдержал Голиков.

– Вы так строго спрашиваете. Я вас тоже начинаю бояться.

– Извините. Вы ни в чем не виноваты. Продолжайте.

– Последний месяц в лагере я почти не спала. Я уже знала, что женщин убивают «по закону». Собираются Астанайка, Соловьев и полковник Макаров и решают... Однажды я несла суп. Слышу – шепчутся. Я испугалась, что они опять решают, и прислушалась. Макаров жаловался, что у них стало плохо с пулями. Я чуть не вылила себе на ноги чугунок. А после обеда подошла к Соловьеву и говорю:

«Отпустите меня, Иван Николаевич, домой. Я заплачу за себя дорогую плату».

Он засмеялся, сунул руку в карман и вынул полную пригоршню перстней с камнями и золотых монет.

«Больше этого?» – насмешливо спросил он.

«Больше».

Он перестал смеяться.

«Я знаю, где есть пулемет и пули к нему. Когда Колчак отступал, солдаты много чего прятали. А я случайно увидела».

– И вы Соловьеву все отдали?! – не удержался Голиков.

– Отдала. Пулемет уже не годился, а пули были в жестянках...

Голиков обещал ни в чем ее не упрекать и не упрекнул. А про себя подумал: «Сколько же народу убито твоими пулями, Анфиса... – И тут же мысленно сказал себе: – Какое право ты имеешь ее осуждать? По силам ли было ей бороться с Соловьевым и Астанаевым, если даже армия не в состоянии с ними покончить?»

– Обождите, – перебил Голиков Анфису, – но ведь когда вас отпустили, вы уже могли запомнить дорогу?

– Мне завязали глаза, посадили на лошадь, и двое из тех, что поймали меня и Наташку, привезли меня на ту же поляну.

– Расскажите, какие при штабе порядки, – попросил Голиков.

– Поют «Боже, царя храни». Жена полковника Макарова проводит беседы, что России опять нужен царь, потому что без него безобразия и разор. Есть в лесу и правила: «Белый партизан не говорит грубых слов», «Белый партизан не обижает мирных жителей, не отнимает их имущество». А что они на самом деле творят в деревнях, вы знаете лучше меня.

– Про Ивана расскажи, – попросила Аграфена.

– Иван Николаевич говорит только тихим, ласковым голосом. Но что бы он ни говорил, все замирают. Он может ласковым голосом позвать, чтобы наградить перстнем, и может таким же голосом объявить жестокое наказание.

– А как выглядит Астанаев?

– Он хакас. Носит бородку. Ходит тихо, крадучись. А зыркнет – так в душе все обваливается. Ему служат и старики, и маленькие дети в селах. Последнее время он что придумал. Захватит, допустим, Аркадий Петрович, вас. Привезет в лес, а родне говорит: «Если желаете,

чтобы я Аркашу выпустил, узнайте мне то-то». И вся родня старается. Только выпускает он редко. Чаще говорит: «Это неинтересные новости. Старые». И люди уходят ни с чем.

– А если мы пойдем с вами на ту поляну, – сказал Голиков, – вы не вспомните дорогу?

– Я в тайгу больше не хожу. Но вам, Аркадий Петрович, помогу. Поговорю с одним человеком. Если договорюсь, сообщу Е руне.

Тройной капкан

Гонец

Голиков с Никитиным приехали в Чебаки. Их сопровождали восемь кавалеристов.

Последнюю неделю в окрестностях Чебаков часто появлялись мелкие группы соловьевцев. То с ними сталкивались красноармейцы, то их видели местные крестьяне.

Правда, заметив красноармейцев, «горные партизаны» старались уйти, не вступая в бой. Но Голикова удивил такой случай. В селе Фыркал трое бандитов, забрав коня с подводой и пять мешков хлеба, оставили расписку, что конь с санями будет возвращен через три дня, а взятый «в долг» хлеб – осенью. Расписка была за подписью полковника Макарова. Надо полагать, она была заготовлена заранее. Однако сани и конь действительно были через три дня возвращены вместе с пустыми мешками.

Что все это означало: хитрость, перемену тактики или запоздалое намерение Соловьева вернуть доброе расположение крестьян?

Предположим, размышлял Голиков, что Соловьев желает помириться с местным населением. Для чего? Чтобы облегчить добывание провианта или чтобы привлечь в свой отряд добровольцев?

Понять все это, сидя в Форпосте, было сложно. Вот почему Голиков с Никитиным отправились в Чебаки. Здесь они провели совещание с командиром местного отряда Иннокентием Стрыгиным и его бойцами, но уяснили из разговора мало и поздно вечером легли спать.

Стрыгин распорядился постелить гостям на втором этаже штаба.

Голиков задул огонь в керосиновой лампе. Натягивая на себя ворсистое одеяло, он блаженно подумал, что будет спать, пока не выспится. Но их с Никитиным сон оказался коротким. Посреди ночи раздался тревожный конский топот. Потом он резко оборвался, кто-то спрыгнул на землю возле штабного крыльца, и мужской взволнованный голос произнес:

– Где командир?

– А какой командир тебе нужен? – переспросил часовой.

– Любой – только поскорей!

Голиков быстро оделся и спустился вниз.

Было начало третьего. Как доложил часовой, Стрыгин пошел проверить посты (такой порядок Голиков завел во всех своих гарнизонах), и Аркадий Петрович оглядел ночного гостя. У крыльца стоял высокий парень лет двадцати. При свете луны было видно, что он одет в черное драповое пальто с бархатным воротничком и серую заячью шапку с длинными ушами.

– Товарищ, пойдёмте со мной, – пригласил его Аркадий Петрович и провел в свой бывший кабинет, который теперь занимал Стрыгин. – Я начальник второго боевого района Голиков. Кто вы?

Гонец снял шапку, вытер ею красное, с легким пушком на щеках лицо.

– Я с рудника «Богомдарованного», – ответил парень. – Моя фамилия Донников. Я заведую Домом культуры. Управляющий рудником товарищ Дюпин просил передать, что вчера, в пятом часу дня, на рудник налетела банда. Она забрала все золото, двенадцать килограммов триста восемнадцать граммов, и все продукты на складе. Продуктов было мало. А бандиты, видать, изголодались и начали шарить по квартирам рабочих. Забрали все до крупинки и увезли. Сегодня утром даже детям не из чего будет сварить кашу.

– Сколько на руднике рабочих? – спросил Голиков.

– Да народу-то у нас много, но дали всего пять винтовок.

Управляющий просил: «Добавьте хотя бы еще десяток!» Ему отказали. Мол, для охраны рудника хватит. И пятеро наших рабочих отстреливались. Но патронов тоже дали мало: по тридцать штук. Скоро кончились. Соловьев захватил наших стрелков. Сигнал народ, объявил, что троих приговаривает к казни, и велел своему помощнику Чихачеву отрубить им головы. Чихачев почему-то заробел. Тогда Соловьев выхватил свою саблю, двоим отрубил головы, третьего тяжело ранил. И они ускакали.

– Сколько было бандитов?

– Товарищ Дюпин велел передать: шестьдесят человек. И на подводах у них стояло три пулемета. Два станковых, один на ножках, ручной.

«Как же можно было дать на рудник всего пять винтовок? – подумал Голиков. – Армия сокращается. Винтовками забиты все арсеналы. Готовя налет на рудник, Соловьев рассчитывал на серьезное сопротивление. Иначе бы он не взял пулеметы. А тут всего пять винтовок. И как теперь можно вернуть эти двенадцать килограммов золота, которыми мы расплатились за чью-то глупость? Я не говорю уже о людях, которых не вернуть, и о продуктах, которые бандиты увезли».

– Товарищ Дюпин сказал, что в ответ на бандитский налет мы намоем другие двенадцать килограммов, но он просил прислать бойцов для охраны рудника и помочь с доставкой хлеба.

– Хорошо, – ответил Голиков. – Один не уезжайте. Утром поедете с отрядом. А сейчас пойдемте поищем, чем вас покормить.

Голиков не знал, что с бывшим заведующим Домом культуры Василием Донниковым они в конце 20-х годов встретятся, будут вместе работать в Архангельске, в редакции газеты «Правда Севера», и на всю жизнь останутся близкими друзьями.

Положение осложняется

Ограбленный рудник принадлежал к числу самых золотоносных. До 1917 года им владел Иваницкий. А началась история рудника с того, что один старый охотник, который сроду не держал в руках золотой монеты, нашел увесистый самородок и принес его мелкому дельцу Федулову. Тот сказал, что это медный колчедан, и подробно расспросил, где «колчедан» был найден.

– Ты верный человек, – похвалил Федулов простодушного старика, – я тебя награжу.

И подарил два ведра спирта, фетровую шляпу, штуку плиса на штаны и широкий пояс...

Но сам Федулов не имел капитала, чтобы построить рудник, и предложил Иваницкому купить у него золотоносный участок на таких условиях: две с половиной тысячи золотых червонцев сразу и по пуду золота ежегодно. Иваницкий, разведав запасы, согласился, назвал рудник, который достался по дешевке, «Богомдарованный». И вот теперь к руднику протянул руку Соловьев.

Из Чебаков на рудник был послан отряд Козлова в 20 штыков. Вскоре с «Богомдарованного» поступил подробный рапорт. «Численность банды, которая участвовала в налете, не преувеличена, – сообщал Козлов. – Поскольку нечем кормить рабочих и их семьи и добыча золота может остановиться, руднику выделили 253 пуда хлеба, который находится в Яловой. Получены сведения, что банда готовится отбить обоз. В налете собирается участвовать сам Соловьев. Прошу усилить мой отряд»*.

Голиков показал донесение Никитину.

– Восемьдесят мешков муки! – Пашка присвистнул. – Если Соловьев их перехватит, он сможет спокойно сидеть в тайге целую весну. Конечно, отдавать хлеб нельзя.

– А где я возьму людей сопровождать этот хлеб? – сердито спросил Голиков. – Двадцать человек я уже послал охранять рудник. Не меньше тридцати придется послать охранять обоз.

– Попроси – Ужур подбросит.

– Тебе не кажется, что мы становимся ночными сторожами? Нам не хватает только колоушки, чтобы в нее бить и кричать: «Соловей, не подходи! Мы здесь!»

Пашка ушел.

Аркадий Петрович шагал по комнате, садился, снова вставал, однако в голове не появлялось ни одной дельной мысли. Раза два забегал Никитин, но всё по другим делам.

Голиков почувствовал, что утомился и его клонит в сон, но решил: пока чего-нибудь не придумает, не ляжет. Он надел шинель, папаху и вышел на улицу.

Кивнув часовому, Аркадий Петрович повернул направо, отошел от штаба шагов на двадцать и услышал шепот:

– Голик... Голик...

Аркадий Петрович вздрогнул. Справа от него зиял дырой полусгнивший забор давно брошенной усадьбы. Из дыры выглядывала голова в мохнатой шапке. Шапка налезала на глаза, и разглядеть лицо было невозможно.

– Голик, давай сюда! – снова позвала мохнатая шапка.

Шепот скрадывал интонации, но голос показался Аркадию Петровичу детским и знакомым.

– Гаврюшка, ты, что ли?! – засмеялся обрадованный Голиков.

– Я давно тебя жду, – ответил мальчик.

Он схватил Голикова за руку и потянул за собой в дыру. Аркадий Петрович с трудом в нее протиснулся. Когда же он распрямился, Гаврюшка ткнулся ему лицом в живот и заплакал.

– Ты чего? Снова побил отец?

– Астанайка...

– Астанайка побил?! Зачло?!

– Да нет. Астанайка прислал трех дядек. Они забрали мамку.

– Куда?.. Зачем?..

– Который забирал, сказал отцу: «Послужишь нам – отдадим». Посадили мамку в сани и повезли.

– Чего они хотели? Как отец должен им послужить?!

– Не знаю. Мамка кричала: «Отпустите!» И еще кричала: «Митька, спаси меня!» И отец бежал рядом и держался за сани, и они его ударили ружьем.

Голиков прижал Гаврюшку к себе. Под истершейся шубейкой вздрагивали худые лопатки и плечи мальчика. Голиков чувствовал себя виноватым, что люди Астанаева (он по привычке называл их «люди»), хотя людьми они перестали быть давно) увезли в лес Гаврюшкину мать и там ее ждала, в лучшем случае, судьба Анфисы. А главное заключалось в том, что он, обладая на территории района неограниченной властью, был бессилен помочь ребенку.

Ощущая, как под его руками пригревается и успокоенно затихает мальчик, Аркадий Петрович представил: вот он дома, в Арзамасе. За обеденным столом вся семья: отец, мать, тетя Даша, сестрички. И он, Аркадий, еще школьник. Внезапно в квартиру вваливаются несколько заросших мужиков, от них пахнет табаком, самогонкой и грязным телом. Они вооружены. Один из них хватается за руку маму, которая вышла к столу в белом кисейном платье. Она кричит: «Кто вы такие? Как вы смеете!» А ее уже подхватили под руки и волокут к дверям. «Петя, – молит она отца, – спаси меня!» Отец кидается ей на помощь, его ударяют прикладом. Мать бросают в телегу и увозят. Все, что должно было последовать за этим, было таким страшным, что Голиков не смог досмотреть даже в воображении.

Внезапно он вздрогнул: «Старуха!» Он вспомнил Ново-Покровское, согнутую колесом старуху, у которой бандиты отобрали золотые монеты, и ее предостережение: «Гявря, худо будет!»

«Это месть их семье за то, что Гаврюшка показал мне, куда поскакал Родионов, – подумал Голиков. И тут же успокоил себя: – Нет, в прошлый раз Соловьеву было нужно, чтобы я

бросился в погоню за Родионовым. Выходит, я тут ни при чем. Только зачем же им понадобился Гаврюшкин отец?»

– Как ты попал в Чебаки? – спросил Голиков.

– Отец поехал искать Астаная, – ответил Гаврюшка. – Только Астанай может отпустить мамку. А мне велел ждать его у бабки. У нас тут живет бабка. Она даже ночью плачет.

– Отец знает, где можно найти Астаная?

– Голик, – испугался Гаврюшка, – молчи. А то Астанай убьет мамку.

– Я никому ничего не скажу.

«Мало того, – подумал Голиков, – что я не в силах помочь ребенку, я еще пытаюсь через него что-то выведать».

– Голик, я зачем тебя жду, – сказал Гаврюшка. – Соловей пилит лес.

– Пусть пилит, – рассеянно ответил Аркадий Петрович, – тайга большая.

– Голик, ты не понимаешь. Ты едешь по дороге, а дерево падает тебе на голову.

– Завал? Он готовит завал? В каком месте?

– Сопку с человеческим лицом знаешь? На другой стороне дороги. Я пойду. Ладно? – Гаврюшка юркнул и исчез.

Сопка стояла километрах в пятнадцати от рудника, если ехать из Яловой. Значит, Соловьев уже знал, что на «Богомдарованный» должны везти хлеб. Астанаев со своей агентурой трудились не впустую...

И тут у Аркадия Петровича возникло первое подозрение.

Когда в Ново-Покровском Гаврюшка показал дорогу, так совпало, что это же нужно было и Соловьеву. Что, если и теперь Соловьеву нужно, чтобы он, Голиков, узнал о завале?

Аркадий Петрович вернулся в штаб, поднялся на второй этаж и разбудил Никитина.

– Ну, чего тебе не спится? – недовольно спросил Павел, с трудом разлепляя глаза. – Мне через час уже вставать.

– Боюсь, Цыганок, нынче тебе уже спать не придется, – ответил Голиков и поведал о своем знакомстве с Гаврюшкой и сегодняшней встрече с ним.

Павел сел на койке и сказал:

– Думаю, мальчишка подослан. – И стал крутить барабан нагана, который вынул из-под подушки. – Ты погляди: у «императора» все номера похожи один на другой. В Ново-Покровском нарочно обидели увечную старуху, чтобы ты ее пожалел и кинулся за Родионовым. Теперь для тебя разыгрывают новое представление: увозят мать знакомого тебе мальчишки, велят отцу сказать, что будто бы он идет искать Астаная, а Гаврюшке будто бы ненароком дают подглядеть, что готовится завал.

– Ты полагаешь, они меня считают дураком?

– А за что им тебя считать шибко умным? Если бы Соловьев не подбросил тебе письмо, ты бы и сейчас думал, что чуть-чуть не поймал Родионова. Вот они и решили все повторить. Знаешь, в цирке самый бешеный успех имеют номера для чувствительных простаков.

– А если мы с тобой всего лишь напуганные простаки?.. В Ново-Покровском Гаврюшка помог Соловьеву тем, что захотел помочь мне. Но и без Гаврюшки я бы кинулся в погоню за Родионовым. А если считать, что Гаврюшка уже тогда был подослан, то нужно было подстроить и сцену на дороге, когда Гаврюшкин отец гнался за ним, а я не позволил его бить.

– Посмотри, как интересно получается: мальчишку лупит отец, а доброе чувство у него к тебе. Потом Астанайка увозит у мальчишки мать, а доброе чувство у Гаври опять к тебе. Тебе это не кажется подозрительным?

– Не кажется. Но предположим, ты прав, – начал сердиться Голиков. – Гаврюшка помог Соловьеву в Ново-Покровском, и его же послали сообщить, что готовится завал. Теперь мы знаем о завале. Как нам следует поступить?

– Задержать обоз, чтобы Соловьев не перехватил хлеб.

– Ты полагаешь, Соловьеву нужен хлеб?

– Еще бы.

– Тогда зачем ставить нас в известность, что готовится завал? Если мы повезем хлеб из Яловой – а Соловьеву известен маршрут, – то завал имеет смысл. А если мы знаем, что готовится засада, то либо задержим обоз, либо отправим по другой дороге. И задача Соловьева – отобрать хлеб – сильно усложнится. А ждать Соловьев не может. В ближайшие дни раскиснет дорога. Сообщение между поселками будет прервано. И Соловьеву с его разбойниками придется сосать в лесу лапу... Да оставь ты в покое револьвер!

Никитин бросил наган, который шлепнулся на смятое одеяло.

– В том, что ты говоришь, есть здравый смысл. Но если у Соловьева в тайге мозги отсырели и он думает по-другому? А мы с тобой ему подыграем? – спросил Павел.

– Сначала мы с тобой все проверим.

– Когда проверять? Люди на руднике сидят без куска хлеба!

– А если поспешим, подарим Соловьеву в придачу к золоту еще и двести пятьдесят пудов хлеба.

У Павла снова от усталости начали слипаться глаза.

– Если даже мальчишка не подослан, хлеб везти по этой дороге нельзя.

– Можно. Я даже скажу: нужно.

Никитин нервно провел рукой по лбу, пытаясь прогнать сонливость.

– Или я чего-то не понимаю, или ты. Вот идет обоз. Перед мордой первой лошади на дорогу падает лиственница. Так? Обоз поворачивает назад. А путь уже отрезан другой рухнувшей лиственницей. Так? И что дальше? Кушайте, разбойнички, рабоче-крестьянский хлеб, только нас отпустите с миром?

– Цыганок, я не собираюсь отдавать хлеб.

– Но если ты повезешь его мимо сопки с человеческим лицом, считай, ты его уже отдал.

– Представь, что тыходишь в темную комнату, а я притаился в углу, чтобы огреть тебя ножкой стула. Если ты этого не подозреваешь, то дела твои плохи. Но если ты уже знаешь, что я там притаился, а я не знаю, что ты знаешь, то еще неизвестно, чья возьмет...

– Это слишком мудро для меня. Если ты позволишь, я вздремну часок, а потом отправлю людей в разведку.

– Спи, Цыганок, в разведку я пойду сам.

* * *

Из разведсводки 6-го Сибсводотряда

*...Комбат Голиков выступил с 20 итьками в район Яловая, что в 20 верстах северо-восточнее улуса И теменев... напал на след бандитов и выступил для розыска в тайгу... где ведет усиленную разведку. Голиков потребовал для усиления его отряда 30 итьков при двух пулеметах...**

Сомнения

Голиков возвратился из разведки смертельно усталый, но повеселевший. Он сам увидел две надпиленные лиственницы близ дороги напротив сопки. Самих бандитов поблизости не оказалось. «Император тайги», видимо, убрал «горных партизан», чтобы не привлекать внимания к будущей засаде, и, надо полагать, ждал, когда повезут хлеб.

План операции, который складывался у Голикова, начинал обрастать подробностями и «привязками к местности». Аркадий Петрович похвалил себя за то, что отправился в разведку сам. Он теперь совершенно точно знал, где Соловьев готовит ему ловушку.

Возвратясь в Чебаки, Голиков принялся за подготовку операции, но его раздражал Никитин. Беспрекословно выполняя любые распоряжения, Цыганок не упускал случая намекнуть, что не верит в успех затеи.

Переспорить друг друга они не могли. Кто из них прав, должен был решить только бой. И Голиков мирился с возникшей ситуацией, поскольку больше никого из подчиненных он в свой замысел не посвящал, а в Ужур коротко сообщил, что просит направить еще один отряд для охраны хлебного обоза, не уточняя, как он намерен использовать подкрепление. Аркадий Петрович подозревал: Ужур его так же не поймет, как не понимает верный человек Пашка.

На рудник «Богомдарованный» Аркадий Петрович отправил связного. Тот передал Козлову пакет с предписанием: пятеро красноармейцев продолжают охранять рудник, остальные под командой Козлова едут в Яловую, получают муку и ждут дальнейших указаний.

Никитин ночью отправился с двумя пулеметчиками в сторону той же Яловой. На этом предварительные приготовления были закончены.

Козлов с бойцами, которые на время операции превращались в обозников; отряд в 30 сабель, присланный в подкрепление из Ужура; Никитин с двумя пулеметчиками и Соловьев со своими подручными – все теперь ждали распоряжений Голикова, чтобы приступить к действиям сообразно своим обязанностям и намерениям. А на руднике шахтеры и их семьи, голодая, который день ждали хлеб.

Сам же Аркадий Петрович сидел в своем бывшем кабинете в доме Иваницкого, еще и еще раз мысленно перепроверяя, все ли он учел. И когда убедился: да, из того, что можно было, он учел все, – Голиков опять задал себе вопрос, который не оставлял его в покое: «А что, если там, где я видел подпиленные деревья, засада ложная, а настоящая ждет в другом месте?»

Голиков понимал: обоз в этом случае окажется без достаточного прикрытия, отряд Козлова понесет большие потери, мука попадет к Соловьеву. Что в случае такого провала ждет его, Аркадия Голикова, думать не хотелось.

Пока не было отдано последнее распоряжение, оставалась возможность все переиграть, то есть попросить Ужур прислать еще 60–70 сабель. В этом случае была почти полная гарантия, что Соловьев не осмелится напасть на обоз, а если осмелится, то получит решительный отпор.

Однако Голиков понимал: шумный бой, где Соловьев даже потеряет двадцать или тридцать человек, ни на шаг не приблизит окончательного разгрома соловьевщины. «Император тайги» силен не тем, что у него, по последним данным, около двухсот пятидесяти сабель.

«Пока люди не убедятся, что сам Соловьев уязвим, а значит, и смертен, как все, – думал Голиков, – любые усилия будут затрачиваться впустую. Поэтому я не имею права попасть впропак. Иначе я тоже стану... пособником Соловьева».

Аркадий Петрович взглянул на часы. Это была серебряная луковица фирмы «Павел Буре. Поставщик Двора Его Величества». Для принятия окончательного решения в распоряжении Голикова оставалось десять минут.

«Я еще могу отменить операцию, – сказал он себе, – и разработать другой план. Только неизвестно, будет ли он лучше. Ведь хлеб на рудник все равно везти придется мне».

Отмена операции станет лишь отсрочкой, проявлением моей неуверенности, которая будет замечена, потому что операция по существу началась – отряд Козлова уже в Яловой...

А если план оставить прежним, но подменить мешки? – неожиданно подумал он. – Хотя бы часть из них. Тогда в случае моей неудачи не весь хлеб попадет к Соловьеву... Нет, не годится. Подменить тридцать – сорок мешков муки отрубями или чем-то еще уже невозможно. Слишком много глаз приковано к отряду Козлова. Попытка заменить мешки откроет Соло-

вьеву, что мне известны его намерения. И он исхитрится сделать что-нибудь другое, чего я не буду знать».

Аркадий Петрович взглянул на часы: в его распоряжении оставалось еще четыре минуты.

«Хорошо, – продолжал рассуждать он, – план операции я оставляю прежним. Но есть несколько обстоятельств, которые продолжают вызывать тревогу. Первое. Может ли по дороге на рудник существовать еще одна засада?.. Да, может, но у меня нет сведений, что она готовится. И потому я исхожу из того, что засада одна.

А если засад все-таки две и засада возле сопки – ложная? – продолжал он пытаться сам себя. От этих мысленно произнесенных слов испуганно забухало сердце. – Если бы засада возле сопки была ложная, Соловьев попытался бы привлечь к ней мое внимание. – И мозг услужливо преподнес ему мысль, которой он больше всего боялся: – А если для этого к тебе и был подослан Гаврюшка?»

Голиков десятки раз спрашивал себя: имеет ли он право целиком полагаться на ребенка, когда речь идет о жизни людей и судьбе хлебного обоза?

«У меня нет оснований думать, что Гаврюшка был ко мне подослан в Ново-Покровском и теперь», – слабо защищался Аркадий Петрович.

И как всегда, когда Голиков решал какой-нибудь трудный вопрос, он услышал внутри себя голос другого, более старшего и хладнокровного человека:

«Если Гаврюшка подослан и все, что ты задумал, входит в замысел Соловьева, то последствия твоей ошибки могут быть самыми катастрофическими. Ведь Астанаев часто прибегает к услугам детей».

«Но чтобы так разыграть меня, Астанаеву с Соловьевым нужно было многое заранее учесть, – возражал Голиков. – И то, что я поеду в Чебаки, и то, что у Гаврюшки в Чебаках живет бабка, и то, что я допоздна сижу в кабинете. И то, что Гаврюшке, по легенде (если существует легенда), не следовало идти ко мне в штаб».

«Да, – согласился голос. – Но ты забываешь, что у Соловьева есть штаб, в котором сидят профессиональные разведчики. Они работали еще на Колчака. И если бы у Гаврюшки в Чебаках не было бабки (а она есть!), то была бы предложена другая версия его появления в селе».

Голиков чувствовал себя загнанным в угол. Он закончил два военных учебных заведения, где основательно изучалось разведывательное дело. Кроме того, он воевал уже четвертый год и представлял, на какие изощренные хитрости пускаются разведчики, чтобы выведать секреты противника или ввести его в обман.

Что на самом деле означало появление Гаврюшки в Чебаках, было самым слабым местом в цепи его рассуждений и логических построений. И сейчас, когда риск задуманной операции обнажился во всей своей беспощадности, Голиков признался себе, что все эти дни только и думал: подослан Гаврюшка или нет?

От этого зависел не только исход операции (где мог погибнуть и он, Голиков). Грозило рухнуть и его представление о человеческих ценностях. В своем понимании людей, в том числе детей, Голиков шел прежде всего от самого себя, от своих ребячьих ощущений, которые позволяли угадывать нравственный склад человека. И если он ошибся в Гаврюшке, это означало, что он становится беспомощным в мире человеческих отношений...

Голиков допускал: Гаврюшка мог быть ему признателен, что он, посторонний человек, заступился за него на дороге. Однако начальник 2-го боевого района понимал, что Гаврюшка, если бы ему пригрозили, был бы вынужден пойти и на обман. То была жестокая логика войны, где человеческая жизнь порой ничего не стоила.

Если согласиться с доводом, что Гаврюшка подослан, то операция была обречена на провал. И Голикову следовало, пока имелась возможность, ее отменить.

И он уже с раздражением вспомнил первую встречу с Гаврюшкой на дороге. Мальчик – он был в одной клетчатой рубашонке и залатанных штанах – поднялся со снега. Стоял изрядный

мороз, но Гаврюшка не чувствовал холода и черными, блестящими, широко открытыми глазами смотрел снизу вверх на Голикова, который сидел в седле. Глаза эти лучились изумлением, радостью и гордостью, что за него заступился целый отряд. И Гаврюшка понравился Голикову именно этим своим лучезарным взглядом, в котором уже не было ни обиды, ни злости, ни слез.

И, еще больше сердясь на себя за непростительную доверчивость, Голиков вспомнил и то, как три дня назад Гаврюшка позвал его, высунувшись из дыры забора. И он, начальник 2-го боевого района по борьбе с бандитизмом, полез в эту дыру, а там – он отчетливо понял это теперь – его могли бесшумно подхватить на длинные и тонкие ножи, которыми перерезают горло баранам. И если его там, за этим забором, в полусотне шагов от штаба, не закололи, то лишь потому, что Соловьеву было важнее заманить его вместе с отрядом в западню на дороге.

И Голиков подумал: «Если бы хитрость Астанаева удалась, Гаврюшка, став взрослым, сошел бы с ума при мысли, сколько народа из-за него погибло. Но скорей всего, Астанаев ликвидирует мальчишку, взвалив на него вину за провал операции».

Думать об этом было больно. Что-то в духовном складе мальчишки было Голикову дорого и близко... Но сейчас в первую очередь нужно было отменить операцию, то есть задержать обоз в Яловой и отозвать Пашку, который небось уже намаялся в своем вороньем гнезде.

Рука машинально потянулась к колокольчику на столе. Пользовался им Голиков редко. Колокольчик на столе напоминал ему о тех днях, когда он служил адъютантом у Ефимова.

Голиков коснулся пальцами позолоченной дужки. И замер. Он вдруг отчетливо вспомнил лицо Гаврюшки там, за домом, когда мальчик сообщил ему про завал. Глаза Гаврюшки ввалились, под ними лежали черные тени, веки были переполнены слезами, в зрачках замерла боль, а детский лоб прорезали глубокие морщины. Перед Голиковым стоял старый мальчик. Так изменить ребенка могло только горе.

«Нет, он пришел сам».

Чья возьмет?

20 апреля после обеда пятнадцать пустых подвод прибыли в Яловую. Когда взвешивали муку, Козлов кричал на весовщиков, что у них не в порядке весы, а с него на руднике спросят за каждый фунт, и заставлял перевешивать. Потом он поднял скандал, что ему подсунили девять старых мешков, которые в дороге порвутся. Найти же другие, к тому же совершенно целые, оказалось делом не простым. Когда же наконец всю муку развесили, стемнело.

Козлов опять накричал на весовщиков, что из-за них он вынужден остаться с обозом ночевать, хотя на руднике голодают, и потребовал у председателя сельсовета отвести квартиры для его людей, которые будут спать по очереди: половина пойдет отдыхать, а половина – караулить мешки.

На самом деле ночевка в Яловой была запланирована, и на рассвете в поселок прискакал связной от Голикова. Связной устно передал Козлову распоряжение начальника боевого района. Козлов удивился, больше того, усомнился: или связной перепутал, или здесь что-то не так. Посыльный обиделся. Это был парень из разведвзвода, который привык, что его сведениям доверяют, и в подтверждение протянул полоску бумаги, на которой было всего четыре слова: «Сказанному верить. Арк. Голиков».

Бумажку Козлов на всякий случай спрятал в карман.

Связной поскакал обратно – доложить, что распоряжение передано и в точности понято. Мешки с мукой погрузили на подводы. У каждого бойца-возчика на коленях или под рукой лежала винтовка. Козлов, чтобы держать в поле зрения весь обоз, ехал верхом. Бойцы, в том числе и Козлов, не предполагали, что участвуют сразу в трех операциях: по доставке хлеба, в операции Соловьева по перехвату обоза и в контроперации Голикова по разгрому «горнопартизанского отряда».

Козлов был совершенно сбит с толку. Распоряжение, доставленное связным, состояло из одной лишь фразы, одной команды, которую должен был отдать Козлов, если обоз попадет в засаду. Команда была странная. Причем она плохо вязалась с характером Голикова, который слыл человеком решительным и храбрым. Но полоска бумаги, спрятанная в партбилет, не оставляла сомнений в подлинности приказа. Голиков предусмотрел и такую деталь: на случай, если Козлов будет ранен, команду должен подать его заместитель, Домут.

Дальнейшие события развивались по хитроумному плану, разработанному Соловьевым и его штабом. Обоз медленно тащился по раскисающей от солнца дороге. Полозья саней то скребли по камням и грунту, то окунались в лужу, то весело скользили по крепкой, отполированной, промерзшей колее. И возчики старались не зевать, подгоняя коней, соскакивая на землю и помогая друг другу подталкивать застрявшие сани.

Красноармейцы догадывались, что вместо возчиков их посадили не случайно, и в коротких перемолвках между собой недоумевали: почему их не послали вместе с возчиками, которых тоже можно было бы вооружить.

...А Голиков позаботился прежде всего о том, чтобы в решающую минуту возле подвод не было суеты.

Обоз тянулся по местам самым разбойным. Слева темнели сопки, то совершенно голые, только припорошенные снегом (от них веяло одиночеством и неизбывной тоской), то покрытые темным, будто сгоревшим лесом. По слухам, и на этих сопках Соловьев имел базы.

Попытки обследовать сопки ничего не дали. «Горные партизаны» наловчились в прямом смысле слова замечать следы, особенно от лыж. Огонь в своих жилищах они разводили только ночью, чтобы их не выдал дым. Зато с высоты открывался отличный обзор, который позволял держать под наблюдением обширные пространства. А разные способы связи, в том числе и голубиная почта, позволяли агентам быстро сообщать Астанаеву и Соловьеву о всех серьезных перемещениях войск или о движении больших обозов.

Теперь, когда подводы с мешками медленно ползли вдоль холмов, Козлову и красноармейцам невольно приходили на память слухи и легенды о Соловьеве. Козлов досадовал, что Голиков неизвестно для чего приказал ему скандалить в Яловой и затем остаться с отрядом там ночевать, вместо того чтобы ночью проскользнуть к руднику. Козлов знал, что бандиты не любят воевать в темноте.

Вообще вся эта затея Козлову не нравилась. Особенно его рассердил последний приказ, полученный через связного. В действиях начбоерайона Козлов заприметил опасную странность.

Козлов не знал, что весь путь от Яловой до рудника находится под неусыпным контролем Соловьева, что в этом случае «горных партизан» устроила бы и ночная засада, а Голикову для осуществления его плана требовалось светлое время суток.

Справа от дороги темнела тайга, хмурая и молчаливая, хозяином которой оставался Соловьев. И подтверждения этому долго ждать не пришлось.

Слева начали проступать очертания сопки с человеческим лицом, которая издавна пользовалась дурной славой. Лет семьдесят назад на этой дороге погиб старик старатель, который всю жизнь бедствовал со своей семьей и считался неудачником. И вдруг именно ему выпал фарт: он нашел увесистый самородок, который, словно заявочный столб, обозначил начало золотоносного участка. Пьяный от привалившего на закате дней счастья, старатель нес в своей торбе золотой бульжник и кожаный мешочек с намытым на скорую руку золотым песком. Счастливчика, выйдя из зарослей, остановили два подлеца. Для них это был просто «жирный глухарь»...

Убийц поймали, но добычу они пропили. Семья старателя пошла по миру, а золотоносный тот участок больше никому не открылся. Место возле сопки считалось не только мрач-

ным, но даже как бы и нечистым. И путники, пешие или конные, всегда спешили его поскорее миновать.

Это место было скверным еще и потому, что сопка и тайга подходили здесь особенно близко, создавая узкую горловину, которую легко было перегородить. Вот почему, завидя громадное человеческое лицо, которое ветры и дожди высекли из холма, бойцы задержали вожжами, зачмокали, засвистели кнутами.

Внезапно в лесу что-то хрустнуло, сбоку от дороги вздрогнула высоченная лиственница. Задевая могучими лапами соседние деревья, она стала медленно, с нарастающим шумом и треском валиться к дороге, перегораживая путь.

Испуганно заржав, остановились и попятнулись лошади передних подвод.

На короткое время все заглушил грохот от падения громадного дерева. Но едва он стих, как на дорогу, теперь уже в хвосте обоза, рухнула вторая лиственница.

Последним ехал молодой боец по фамилии Травин. Он был из городских. Среди товарищей славился безвредной чудаковатостью, которая выражалась в том, что он бывал часто задумчив, потому что сочинял стихи, но товарищи сильно уважали Травина, когда пришла краевая молодежная газета, в которой его стихи были напечатаны.

Вожжи в руки Травину довелось взять впервые. Несмотря на предупреждение Козлова: «Не отставать! Не отставать!» – Травин не поспевал за всеми: ему досталась худая кобылка. Она то и дело озиралась, потому что рядом устало семенил жеребенок, и мать, беспокоясь, что он утомится еще сильнее, не желала идти быстро.

Ветви второй лиственницы накрыли подводу, на которой ехал Травин (боец успел лишь вскрикнуть), и раздавили маму-лошадь. Только жеребенок, услышав треск падающего дерева, метнулся вперед на своих тонких ногах и остался жив.

Вторая лиственница захлопнула ловушку. С обеих сторон от дороги лежал снег. Хотя он днем подтаял и кое-где проступила земля, снег был еще глубок. Обехать по нему завал, не перегружая мешки, было невозможно.

Обоз попал в засаду в том месте, которое пользовалось самой дурной славой. По замыслу Соловьева, это должно было усилить испуг и растерянность подводчиков, которые, схватив карачины и винтовки, соскочили с саней.

После того как рухнула вторая лиственница и вскрикнул раздавленный Травин, после того как неистово продолжала скрести копытами мама-лошадь, у которой был перебит хребет, – после всего этого, вопреки ожиданиям Козлова и его людей, не раздалось ни единого выстрела.

Бойцы лежали на снегу, приготовясь к бою, но лес молчал. И когда прошли две или три минуты, Козлов решил, что это не засада, а, видимо, механически сработал «большой капкан», то есть были задеты наткнутые веревки, отчего и рухнули подпиленные деревья, а самих бандитов поблизости нет. И вообще, деревья, возможно, были подпилены смеха ради.

Козлов крикнул: «Доставайте топоры и пилы! Быстро!» Он полагал: через четверть часа первая лиственница будет распилена, в ней удастся сделать проход, и обоз вырвется.

Зазвенели пилы, затюкали торопливо топоры. Трое бойцов, тоже с пилами и топорами, кинулись к последней подводе. Они еще надеялись помочь Травину, но поэт, вдавленный изогнутым сукон в мешки, уже не дышал. Двое его товарищей принялись пилить этот сук, чтобы вытащить Травина и перенести на другие сани мешки, один из которых был отчасти попорчен, потому что по нему разлилась кровь. Третий боец, видя муки покалеченной лошади, хотел было ее пристрелить, по его шепотом остановили:

– Венька, ты что! Бандиты услышат!

А на дороге возле первой лиственницы уже оттащивали в сторону сучья и дорезали толстый ствол. Нужно было лишь откатить отпиленные чурбаки. Бойцы работали споро и с азартом, полные воодушевления, что через минуту-другую они вырвутся из западни и оставят в

дураках Соловьева и его бандюков. Для этого нужно было только развернуть чурбаки под прямым углом, образовав проход.

В этот момент раздался выстрел, негромкий, несерьезный, словно ребенок пальнул из пугача. Но все, кто находился возле завала и воев, уже готовясь в дальнейший путь, от игрусечного этого звука обмерли в недоумении: уж не малец ли какой над ними пошутил, пальнув из малокалиберного ружья монтекристо?

Время шло. Ничего не прояснялось. По счастью, снова не растерялся Козлов.

– Чего остановились?! – крикнул он. – Давайте!

И бойцы, которые разбирали завал, поднатужась, медленно откатили в сторону первый чурбак. В проход, который образовался, могла проскочить подвода, но все же он был узковат. Зацепись впопыхах сани – возникнет пробка.

Тут снова хлопнул такой же тихий, добродушный выстрел, от которого у Козлова и бойцов оборвалось все внутри.

Но Козлов крикнул: «Не зевай!» Возчики дружно облепили второй чурбак и почти на руках отнесли его в сторону. Проход был открыт. Схватив винтовки, пилы и топоры, бойцы кинулись к своим саням.

Вожжи первой подводы, в которую был впряжен красавец битюг, подхватил, сунув под мешки топор, красноармеец лет тридцати в подогнанном полушубке. Борода на его широком лице была подстрижена лопаточкой. Держа под мышкой карабин, возчик не стал прыгать на сани, а легонько дернул повод. И застоявшийся на месте, еще подрагивающий битюг, напуганный тем, что его чуть не раздавило падающее дерево, легко стронул воз и ходко поволок его за собой, чувствуя, как и люди, что промедление опасно.

Битюг пересек линию недавнего завала. Ему оставалось сделать два-три шага, чтобы за этой чертой оказались и сани, в которые он был впряжен. А за первой подводой уже тронулись другие.

Ахнул выстрел. Уже не куражный, не из дамского пистолетика, из которого крошечная свинцовая пулька летит на десять метров. Ударил винтовка – и красавец битюг рухнул.

Стрелял мастер, охотник, которому велено было все рассчитать. И он рассчитал. Битюг упал, закрыв своей могучей тушей проход. После этого бандиты дали поверх голов возчиков дружный залп.

Бандиты затаились в зарослях. Понимая, что обозу уже никуда не деться, Соловьев позволил себе безобидную, как он полагал, забаву и вместе со своей ватагой беззвучно смеялся, глядя на ловкие, быстрые, но бесполезные усилия красноармейцев, которые оказались в ловушке.

Раздосадованные и обозленные подводчики, бросив вожжи, опять схватились за винтовки и открыли ответную стрельбу. Из чащи снова ударил залп, и пули снова прошли высоко над обозом. Операция была задумана «императором» как триумфальная. Захват обоза он не хотел омрачать ненужными жертвами.

Поскольку на руднике Соловьев погорячился, казнив рабочих (и позднее, остыв, пожалел об этом), то сейчас он просто хотел отогнать подводчиков. Увезти муку они уже не могли. Мешки стали законной добычей «горно-партизанского отряда». А уйти парням Соловьев разрешал. Он дарил им жизнь и полагал, что обозники должны быть ему за это признательны.

Однако бойцы разбойным великодушием не умилились. Им было стыдно отдать хлеб тому же Соловьеву, который обрек на голод весь рудничный поселок с малолетними детьми. А кроме того, в подводчиках появилась злость, что Соловьев над ними потешается. Бойцы, не сговариваясь, решили для себя: «Хлеб не отдадим!» – и открыли яростную стрельбу.

«Император» не ожидал отпора – сопротивление было бессмысленно – и, обозлясь, дал команду: «Лупите по лошадям!»

Одна лошадь была тут же убита, две ранены, несколько заметались в испуге. И все это случилось за каких-нибудь три минуты начавшегося боя, пока всех не удивил командир отряда Козлов.

Лишь только в завале образовался проход, Козлов поверил, что счастье улыбнулось ему и его людям, и поскакал в самый хвост обоза убедиться, что тело Травина и мешки с последней повозки перенесены на другие сани. И Козлов упустил момент, когда началась яростная стрельба, стали валиться покалеченные кони, а пули принялись вспарывать мешки, взбивая мучные фонтанчики.

Увидев, что отряд ввязался в бой, Козлов крикнул:

– Отставить стрельбу! В сопки! Всем отступить в сопки! – И, повторяя это, пронесся под огнем вдоль возов.

Такое распоряжение удивило бойцов. Они знали Козлова как человека хладнокровного и надежного. Конечно, когда кругом стрельба и ты в ловушке, то и хладнокровный человек может потерять голову. Ведь сам Козлов накануне объяснял, что хлеб не должен ни в коем случае попасть в руки бандитов.

Несколько бойцов, которые оказались послабее духом, вскочили и побежали в сторону сопки с человеческим лицом, другие замешкались, а кое-кто упрямо решил: «Не побегу!»

И тогда к этим упрямам, которых больше всего собралось возле туши поверженного битюга, подлетел тот же Козлов. Возвышаясь в седле над возами, потрясая наганом, он закричал:

– В сопки! Или убую! – и рукой, в которой у него был зажат револьвер, схватился за простреленное плечо.

Отважные подводчики уже ничего не понимали в происходящем. Они только видели, что Козлов продолжает маячить под огнем в седле – значит, не трусит. Заметили, что бандитская пуля пробила ему плечо, а он все равно ждет, пока бойцы уйдут в сопки. И красноармейцы, кляня Соловьева, нехотя поднялись с земли, оторвались от возов и, отстреливаясь, стыдливо побежали в сторону от дороги, боясь взглянуть один другому в глаза.

Все они, конечно, понимали: хлеб спасти уже нельзя – бандиты от возов не отцепятся. И командир в этом скверном для отряда положении желает спасти людей. Но каждый, убегая, сознавал, что совершает подлость по отношению к голодающим.

Упорней всех оказался подводчик с бородкой, у которого убили красавца коня. Стоя в полный рост, даже не собираясь прятаться за мешки, он, не целясь, выпускал по лесу обойму за обоймой. Казалось, человек просто помешался. И Козлов крикнул ему:

– Михайлов, беги! Или пристрелю!..

Но Михайлов преспокойно вынул из кармана новенькую обойму и принялся неторопливо заталкивать ее ладонью в магазин.

Тогда Козлов, совсем близко подъехав к Михайлову, пальнул из нагана возле его лица. Михайлов повернул голову, ненавидящим взглядом ожег командира, провел рукой по крупу убитого коня и прогулочным шагом направился в сторону сопки.

А Козлов, еще раз окинув взглядом обоз и убедившись, что возле подвод не осталось ни одного человека, оторвал запачканную кровью руку с наганом от простреленного плеча, вытянул ее в направлении леса, пальнул несколько раз, пока не опустел барабан, и тоже не спеша направил коня в сторону от дороги.

Козлов выполнил странное распоряжение Голикова: обоз с восьмьюдесятью мешками муки для голодающих был брошен.

Выждав, пока красноармейцы отбежали подальше от подвод, люди Соловьева высыпали из леса. Они сразу кинулись к возам. Один за другим раздались несколько глухих выстрелов: «горные партизаны» прикончили раненых лошадей. Затем занялись обозом: кто-то считал

мешки, кто-то выпрягал пристреленных лошадей, видимо намереваясь привести из зарослей своих, двое или трое воровато рылись в санях в надежде на быструю поживу.

Следом из леса вышла группа человек в десять. На плечах троих блеснули погоны. Но в этой небольшой и сплоченной толпе выделялся один, лет сорока, в серой каракулевой папахе и свежем полушубке. Он остановился возле мертвого битюга и начал что-то говорить, показывая на толстый, распиленный ствол дерева. Сопровождающие почтительно слушали. Это был Иван Соловьев.

«Император тайги» часто устраивал засады, но он впервые одержал такую внушительную победу. Захват 250 пудов муки, которые охранял целый отряд, уже нельзя было назвать бандитским налетом. Это была отлично выполненная боевая операция, где главная роль принадлежала четко налаженной разведке. Победа была тем внушительней, что во главе отряда красных стоял Козлов, человек бывалый и смелый. Для Соловьева было важно и то, что Козлов сразу оценил ситуацию и понял бессмысленность сопротивления.

Полагая дело законченным, Соловьев, чтобы его отовсюду было видно, забрался на возок.

– Орлы мои! – «Император тайги» обращался к своим «белым партизанам», которые рассыпались вдоль обоза и уже без стеснения обшаривали сани. Но, по замыслу Соловьева, его речь предназначалась в первую очередь тем, кто бежал в сопки. – Орлы мои! – повторил он. – Благодарю вас за храбрость и отличную выучку! Свободная Хакасия вас всех не забудет!

И здесь, совершенно некстати, татакнул пулемет.

– Кто там безобразит? – повернулся Соловьев к свите, совершенно уверенный, что гашетку по небрежности нажал один из его «партизан», потому что обозники были вооружены винтовками.

Но пулемет, будто пристреливаясь, татакнул снова. Пули пронеслись над возами. Не успел Соловьев соскочить с саней, как раздалась длинная очередь. Несколько бандитов кинулись на мокрый снег. И тут пулемет забил безостановочно, словно заходясь от ненависти, и к нему присоединился второй.

Это стреляли с печально известной сопки засланные туда пулеметчики под командой Павла Никитина. Свои гнезда они соорудили на деревьях, шагами измерили расстояние до края дороги и других ориентиров. И теперь, после двух суток полубессонницы и утомительного безделья, вкладывали в гашетки пулеметов всю свою ненависть к Соловьеву.

– По бандитам беспощадный огонь! – крикнул теперь уже и Козлов. Он не успел перевязать плечо и продолжал зажимать рану рукой с наганом. Сквозь пальцы по сукну шинели текла кровь.

Подводчики вслед за командиром поняли, что их отступление было хитростью, чтобы выманить бандитов из леса, и открыли яростную пальбу.

– Назад, это обман! – закричал высокий офицер из числа приближенных «императора».

Пожалуй, то был первый случай, когда кара на этом злодейском месте настигла самих злодеев.

Никитин сидел на ветке старого кедра, не отрывая глаз от окуляров артиллерийского бинокля, и корректировал стрельбу.

– По мешкам, Георгий, бьешь, по мешкам! – крикнул он одному из пулеметчиков. – А ты, Петюня, Соловьева мне достань! Он в новом полушубке!

Соловьев, пригнувшись, бежал впереди свиты к лесу. И пулеметчик Кошельков, который сидел на соседней от Никитина листовнице, привязанный веревкой к двум толстым сукам, чуть опустил похожий на самоварную трубу ствол ручного пулемета и полоснул очередь по убегающей группе. Двое, отстав, осели на снег (на одном блеснули погоны). Петр отыскал глазами белый, новый полушубок, который на таком расстоянии сливался с нетронутым снегом на обочине, поймал Соловьева в прорезь мушки и нажал спуск. Но полушубок нечаянно засло-

нила костистая фигура в черном пальто, которая ткнулась лицом в снег, а Соловьев нырнул в просвет между деревьями.

Через минуту возле подвод осталось десятка полтора убитых соловьевцев, и двое пытались ползком добраться до зарослей.

Козлов – ему в этой кутерьме успели забинтовать плечо – снова взгромоздился на коня. Рядом с ним, будто с неба, появился Никитин.

– Козлов, ребята, а ну, вперед! Ура! – закричал Никитин и, вытащив длинноствольный смит-вессон, кинулся в сторону обоза.

– Вперед! – подхватил Козлов, обращаясь к своим подводчикам.

Обрадованные красноармейцы, которые только что своими глазами видели, как бежал Соловьев, кинулись к дороге, пересекли ее и углубились в лес.

«Белые партизаны» отстреливались беспорядочно. Полные смятения, они стремились поскорее рассредоточиться. Для них, как для зверей, тайга стала родным домом, где можно было спрятаться, отсидеться, раствориться.

Но люди Козлова, у которых внутри все дрожало от только что пережитого унижения, не собирались отпускать соловьевцев. Подводчики бежали следом, паля из винтовок. И хотя их было раза в три меньше, соловьевцы спиной ощущали устрашающую ярость красноармейцев.

Один «белый партизан», за которым бежал подводчик с бородкой, не выдержал, обернулся, выстрелил в преследователя метров с десяти, но руки его дрожали, и он промазал. Времени перезарядить винтовку у него не было. Завыв от ужаса, мужик бросился в снег и закрыл голову руками.

Подводчик, добежав до него, остановился.

– Вставай! – велел он, задыхаясь от прерванного бега.

Мужик поднялся, все так же держа руки на затылке. Подводчик передал пленного хромящему бойцу, который уже вел других сдавшихся соловьевцев.

И все-таки люди Соловьева разбежались, растекались по лесу, просачиваясь между толстыми стволами.

Неожиданно в глубине леса ровно, залиvisto застрочил пулемет. К нему присоединились еще два. «Белые партизаны» приободрились, кинулись все на землю и поползли навстречу пулеметам. А люди Козлова остановились. Придержал коня и сам Козлов, мучительно пытаясь понять, что же происходит теперь. И вывод был один: на этот раз уже Соловьев заманил их в такую же ловушку, какую устроили на дороге ему. Или «император» приготовил пулеметы на случай, если понадобится отойти, а красные начнут преследование.

И Козлов, проклиная весь нынешний день, уже было собрался отдать приказ к новому отступлению, когда пулеметы так же внезапно смолкли. В лесу на короткое время сделалось тихо, будто здесь не было ни одного живого человека. И раздался громкий мальчишеский голос:

– Гражданин Соловьев! Граждане «белые партизаны»! Вы окружены! Предлагаю вам сдаться! На раздумье – одна минута!

Это был голос Голикова.

Начальник боевого района с полусотней бойцов и тремя пулеметами зашел в тыл Соловьева, когда тот готовился к захвату обоза. И сейчас капкан для «императора тайги» окончательно захлопнулся.

Обоз пришел на рудник вечером. Его встречали все жители поселка. Здесь уже знали, что на дороге случился бой.

Впереди колонны ехали Голиков, Никитин и Козлов с подвязанной на платке рукой. Следом двигалась полусотня кавалеристов. Затем шли две подводы с убитыми бойцами. За ними – возы с мукой. А уже за возами брели пленные, быть может, те же самые бандиты, которые сначала забрали на руднике весь хлеб, а потом пытались перехватить вот эти мешки, кое-где

вспоротые пулями и наспех крупными стежками зашитые. Один мешок – он лежал наверху – был залит кровью.

Замыкала шествие вторая полусотня кавалеристов.

При въезде в поселок жители образовали коридор. Отцы прижимали к себе детей. Некоторые даже посадили их себе на плечи, чтобы сыновья и дочери навсегда запомнили: вот эти усталые и вроде ко всему безразличные люди рисковали жизнью, чтобы не отдать бандитам муку. А на двух возах, объясняли родители, лежат бойцы, которые приняли смерть, чтобы они, жители поселка, не умерли с голоду.

Голиков ехал с полужакрытыми глазами, покачиваясь в седле и прилагая немалые усилия, чтобы не заснуть и не свалиться с коня на глазах у всех. Пашка сидел на коне гордо и франтовато: все, о чем они с Аркадием договорились, он выполнил в точности. И хотя Цыганок сомневался в успехе, друга не подвел. И оказалось, что Аркашка прав. Соловью нынче досталось. А Козлов был удручен. Он жалел ребят, которые погибли.

А Голиков, проезжая с полужакрытыми глазами сквозь толпу, думал: «Да, хлеб мы спасли и ведем пленных и будем их судить. Да, мы перехватили инициативу у Соловьева, но цену заплатили непомерно высокую. И обиднее всего, что упустили самого Соловьева».

В этом бою Голиков и Соловьев снова оказались невероятно близко друг от друга. Готовя вторую ловушку, Голиков про себя надеялся, что «император» попадет в нее. Но не хватило людей, чтобы создать сплошной заслон. И Соловьев, как после объяснили пленные, с четырьмя своими охранниками уполз в какую-то щель, которую нашел в оцеплении.

Василий Кузнецов

Козлов на рассвете был отправлен в Ужур: предстояло извлечь из руки пулю. Голиков распорядился найти крытый возок и положить в него побольше сена. В сопроводительном письме в штаб Аркадий Петрович кратко обрисовал весь ход проведенной операции и отметил всех отличившихся. В первую очередь Никитина и Козлова.

Сани раненого командира охраняли кавалеристы, которых штаб 6-го Сибсводотряда прислал Голикову на подмогу. Но двигалась колонна черепашным шагом: полусотня еще конвоировала и пленных.

А Голиков и Никитин вернулись с бойцами в Форпост. Голиков, не заходя домой, сразу отправился на службу. Как только Аркадий Петрович прошел в кабинет и сел за чистый, без единой бумажки стол (документы он хранил в переносном сейфе), вошел адъютант батальона Галиев. Это был рослый спокойный человек двадцати трех лет. В отсутствие начбоерайона Галиев исполнял его обязанности.

Пока Аркадий Петрович пил чай, Галиев уходил от разговора, что нового в Форпосте. Наконец, когда из кабинета унесли медный чайник, хлеб, мед и посуду, Голиков прямо посмотрел в глаза адъютанту.

– Что?!

– В ту ночь, – ответил Галиев, – когда вы уехали из села, был заколот часовой Лаптев.

– Он жив?

– Нет.

– Убийцу поймали?

– Нет.

– Хоронили?

– Ждали вас.

– Тогда завтра. Пусть люди отдохнут. Что еще?

– Больше никаких происшествий.

– Извините. Мне хочется побыть одному.

Голиков хорошо знал Жору Лаптева. Он был родом из-под Рязани. Отец его служил лесником. Лаптев был уравновешен, улыбчив, сметлив, легко ориентировался в тайге, свободно читал следы и отлично стрелял. Он настолько выделялся среди бойцов врожденным тактом, разумностью своих суждений и действий, что Голиков твердо решил: при первой же возможности пошлет его учиться.

Когда готовилась операция по спасению обоза и Голиков распределял обязанности между бойцами, в отношении Лаптева у него возникли тревожные предчувствия. И хотя Лаптев с его способностью ориентироваться в лесу был незаменим в тайге, Аркадий Петрович распорядился, чтобы Лаптева оставили охранять штаб. Голиков хотел уберечь парня от случайной пули и, сам того не желая, подставил под нож. В народе не зря же говорят: «От судьбы на коне не уйти».

Гибель Лаптева отдалась глубокой болью еще и потому, что, убивая часового, Соловьев сводил счеты с ним, Голиковым. «Император тайги» давал понять: мол, тебе, комбат, лучше бы не отлучаться из Форпоста. Это был ультиматум, перечеркнувший результаты последнего боя.

Не вынимая платка, Голиков вытер ладонью глаза. Предаваться печали долго не было возможности. Он нанес поражение банде в лесу и на дороге. Но люди Соловьева и Астанаева по-прежнему находились везде. Были они и тут, в Форпосте. По многим признакам Аркадий Петрович знал, что кто-то круглые сутки следит за происходящим в станице и сообщает в тайгу. Уже давно было замечено, что над крышами время от времени взлетают и уносятся

ввысь почтовые голуби. Кто завозил голубей в Форпост, пока установить не удалось. Их не держали на голубятне, а где-то прятали.

Принимая любое решение, Голиков вынужден был помнить об этих всевидящих, круглые сутки бодрствующих глазах. Приходилось думать, как обмануть наблюдателей, чтобы в банде раньше времени не узнали о планах чоновского отряда.

В гибели Лаптева настораживали два момента: то, что наблюдатель перешел к решительным действиям (хотя мог быть прислан убийца-профессионал), и то, что Лаптев дал себя убить.

Голиков не был робок. Еще в детстве мать и отец учили его искать в любой ситуации активные и смелые решения. Это пригодилось в мальчишеские годы и особенно тут, на войне. Но Голиков боялся ножей, как могучие слоны боятся мышат, потому что ножи преследовали его всю жизнь.

Летом девятнадцатого, когда их, киевских курсантов, бросили в прорыв под Киевом и полурота остановилась на ночлег в Кожуховке, ночью ножом был заколот часовой. И полурота чуть не погибла.

Став в тот же день полуротным вместо убитого командира, Голиков дал себе слово, что будет каждую ночь проверять караулы и напоминать часовым, что быть легкомысленным на посту смертельно опасно. С той поры, за два с половиной года, не произошло никаких несчастий по вине или благодущию часовых в ротах, батальонах и полках, которыми он командовал. Попадая на передовую, Голиков неукоснительно каждую ночь дважды обходил посты и сурово наказывал бойцов за любую небрежность в несении караульной службы. И вот, стоило уехать из Форпоста, словно в издевку, ножом был заколот Лаптев.

Подавленный этими мыслями, а еще больше тем, что от него в тайге ушел Соловьев, Голиков, злой и усталый, ввалился к себе на квартиру. К нему прямо с порога кинулась Аграфена.

– Наконец-то! – с упреком произнесла она, словно Голиков загулял на посиделках. – Анфиса прибежала два раза. Ты ей очень нужен.

Аркадий Петрович снял портупею, швырнул в угол прихожей шашку.

– Завтра. Сегодня никуда не пойду. Устал.

– Не может она ждать до завтра, – возразила Аграфена и перешла на шепот: – Человек у нее какой-то. Второй день тебя дожидается... Давай наскоро ополоснись, и зайдем на полчасика. Там и пообедаем. Анфиса покормит.

– Плесни мне водички, – обреченно попросил Голиков.

– Я и баню истопила, тебя дожидаячись. Придешь из гостей – помоешься. И потом, Гаврюшка приходил.

– Гаврюшка?.. Он чего хотел?

– Плакал. Отец его, Митька, ходил к Астаная выкупать ихнюю мамку. Астанай не отдал.

Голиков стянул с ноги грязный, заляпанный глиной сапог, потом другой. Хотел поставить возле вешалки и вдруг с силой шваркнул об пол.

– Аркаш, ты чего? Или я чем тебя обидела?

– При чем здесь ты? Шагу не могу ступить, чтобы не наткнуться на Соловья!..

Через четверть часа в новой шинели и в новых сапогах, держа под руку принаряженную Аграфену, Голиков прошествовал к дому Анфисы. Аграфена несла аккуратную корзиночку с пирожками, завязанную чистой белой тряпочкой. И еще через полчаса вся деревня знала: «Голик-то с Грушкой гуляют нынче у Анфиски».

А настроение для гулянки было самым неподходящим. Голиков чувствовал себя виноватым, что бессилён помочь Гаврюшке, хотя именно ребенку отряд был обязан своим успехом. Наутро были назначены похороны Лаптева. А затем предстояло написать письма родителям и женам погибших. Вот уже три года, если умирали бойцы, Голиков извещал их близких только сам.

– Извините, что опоздали, – церемонно произнес Аркадий Петрович, входя в дом Анфисы, – Я только вернулся. Аграфена сказала, вы ждете нас ужинать...

– Да уж вторые сутки жду, – ответила, сдерживая смех, Анфиса. – Ужин едва не простыл.

Она снова была красива и оживленна, однако Голиков уже знал, какой душевный мрак умела она скрывать за своим оживлением, и уважительно пожал ей руку.

В комнате за приготовленным и еще не разоренным столом сидел высокий плотный мужчина с хищным крупным носом. Голова его густо поросла темным, негнушимся, коротко постриженным волосом. Чернотой отливали брови и даже гладко выбритые щеки. На Голикова с Аграфеной он взглянул спокойно, без видимого интереса.

– Знакомьтесь, – предложила своим гостям Анфиса.

– Вася, – отрекомендовался темноволосый и, не подымаясь, протянул Голикову через стол громадную лапищу. А затем, поколебавшись, добавил: – Кузнецов.

– Аркаша, – нарочито простецки назвал Голиков, отвечая на рукопожатие.

На Аграфену Кузнецов даже не взглянул.

– Присаживайтесь, гости дорогие, – певуче пригласила Анфиса, показывая на лавку, где сидел Вася.

Но Голиков с Аграфеной, не сговариваясь, сели на табуретки с противоположной стороны стола: Аграфена потому, что обиделась на невежу, а Голиков потому, что так было удобней наблюдать за Василием.

– Мой квартирант, подружка, трое суток не ел: такая у него служба, – сказала Аграфена. – Я ему пообещала, что ты его накормишь.

– Да уж как-нибудь накормлю, – фыркнула Анфиса.

Она была в отличном расположении духа. То ли из-за приезда Кузнецова, то ли из-за прихода Голикова, то ли потому, что свела их вместе.

– Что же вы не бережете свое драгоценное здоровье? – с укоризной спросил Кузнецов.

– Много работы, – уклончиво ответил Голиков. Он не имел понятия, кто такой Вася, и не спешил вступать с ним в беседу.

Анфиса налила всем в граненые стаканчики. Самогонка была плохо очищена. Над столом поплыл запах сивушного масла.

Аркадий Петрович притворился, что не заметил этого взгляда, а Кузнецов сразу оживился. Голиков, положив на тарелки женщинам соленой рыбки, взял изрядный кус и себе и начал есть с хлебом, наблюдая за Васей.

«Не робок, – отмечал он, – кое-что в жизни хлебнул. Держится уверенно. Только не пойму: эта уверенность от избытка физической силы или оттого, что кто-то за его спиной стоит? Скажем, Астанаев? Нет, если бы Вася служил Астанаеву, Анфиса не стала бы водить с ним компанию... Теоретически, – поправил он себя. – А практически ей могли пообещать, что заберут ее обратно в лес, если она не подсунет мне Кузнецова...»

Анфиса налила всем в граненые стаканчики. Самогонка была плохо очищена. Над столом поплыл запах сивушного масла.

– Ну, со свиданьем, – сказала она.

Кузнецов со всеми чокнулся и со скучающим видом выпил. Женщины только пригубили, а Голиков, смущенно улыбнувшись, поставил свою стопку на стол. Кузнецов удивленно приподнял бровь.

– Не могу, – простодушно объяснил Голиков. – Если выпьет боец, я обязан его наказать. Ведь в стране сухой закон. И я не делаю того, что запрещаю другим. – И принялся за еду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.